

Владимир Янковский

*Не моя
женщина*

Командировочный роман

Владимир Янковский

**Не моя женщина.
Командировочный роман**

«Издательские решения»

Янковский В.

Не моя женщина. Командировочный роман / В. Янковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832856-5

Книгу можно назвать эпопеей — в ней рассказывается об истории нашей страны от Рюрика до начала XXI века. Но «трудные вопросы» отечественной истории — лишь фон. На переднем плане проходит жизнь российского интеллигента от рождения до... Что ждет героя книги профессора Трубецкого в финале произведения, не знает никто.

ISBN 978-5-44-832856-5

© Янковский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	8
Глава первая. Детство	12
Бабушка	15
Еще о детстве	19
Мама	21
Дед	29
Глава вторая. Дни, которые потрясли мир	35
День первый	35
Лекции профессора А. Н. Трубецкого. Лекция первая	36
Из дневника профессора А. А. Трубецкого	37
Продолжение лекции профессора А. Н. Трубецкого	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Не моя женщина

Командировочный роман

Владимир Янковский

© Владимир Янковский, 2016

ISBN 978-5-4483-2856-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авторское предисловие

У каждого литератора – писателя или журналиста – своя манера творчества. Кто-то любит писать в абсолютной тишине, уединившись в кабинете, куда и на порог даже не подпускает домашних, – поэтому так трудно быть женой великого писателя, недаром у большинства великих – вспомним Бунина, Булгакова, Есенина, Шукшина и многих других отечественных и зарубежных литераторов – жен несколько. Эта закономерность подтверждается, когда литератор – женщина. Она или вовсе не замужем, или меняет мужей с частотой невероятной. Кто-то (Крылов, если не ошибаюсь) мог писать прямо в кругу домочадцев, с внуками на коленях.

Некоторые, сев за письменный стол (а нынче в большинстве своем за клавиатуру компьютера), пишут сначала подробный план будущего опуса, делают карточки с придуманными данными персонажей книги. Другие, начав писать, хорошо, если знают, как зовут главного героя, в какую эпоху будет происходить действие и даже не представляют, чем оно завершится.

Так и я в начале пути лишь немного обозначил сюжет, знал, кто в новой книге будет главным героем, чем закончится роман. Впрочем, жизнь вносит свои коррективы и в сюжетную линию, и в предполагаемую концовку. Я начал работу над этим произведением 18 декабря 2004 года. Сейчас на календаре сентябрь 2016 г. За девять минувших лет поменялось многое и в моей жизни, и в сюжете книги. Поначалу, в духе саг и телероманов, я захотел написать историю своей семьи с дореволюционных времен до сегодняшнего дня. Среди моих предков, как по отцовской, так и по материнской линиям, много участников эпохальных событий – от польских дворян, боровшихся еще с царским правительством за независимость Польши, до тех, кто осваивал новые земли, верой и правдой служил царю и отечеству в армии и полиции, нес свет православия в присоединенные районы, делал революцию в 1917-м, сражался по обе стороны баррикад в Гражданскую, погиб или пропал без вести в Великую Отечественную, строил Байконур и выводил на орбиту космические корабли, учил школьников и студентов. Эпопея могла получиться увлекательная. Но на романы-эпопеи нужно время. Его-то мне постоянно и катастрофически не хватает. В подзаголовке моего произведения значится «Командировочный роман». Эта ремарка отражает суть проблемы – большая часть текста написана в командировках, куда по роду основной работы мне приходится довольно часто ездить. Вот почему однозначно отпал замысел эпопеи.

Хотя я уже и названия для эпопеи придумал несколько вариантов. По закону жанра и требованиям маркетинга нужно было броское, запоминающееся, отражающее дух нашей эпохи. Рассматривал от негативных названий «Отверженные», «Обманутые», «На советских развалинах», «Война и пир» до более нейтральных «Советская сага», «Гомус советикус», «Наше время и его герои», «Другие времена».

Вот это последнее показалось наиболее точно выражающим авторский замысел. Другие времена – это и ностальгия по прошлому, и затаенная и неистребимая у каждого россиянина надежда на светлое будущее, – когда-нибудь ведь должны настать другие времена?

Лев Толстой, задумывая роман о декабристах, неизбежно вынужден был обратиться к войне 1812 года, ибо все декабристы из Отечественной войны с французами и выросли. Но о войне с французами нельзя было рассказывать без упоминания о событиях 1805 г., об Аустерлице. Так «Война и мир» началась с 1805 г.

У меня же получился обратный процесс. Задумав роман-эпопею о крушении двух империй – царской и СССР (последний представлялся мне супермощным атомным авианосцем, по команде с капитанского мостика «Полный назад!» на глазах миллионов соотечественников превратившимся в гибрид, клон, искусственно и по западным образцам созданную помесь громадного танкера, везущего нефть и сжиженный газ в Европу, Азию, Америку с круизным лайнером, на верхней палубе которого веселятся и ликуют «новые русские», а на нижних – потный, грязный, нищий голодный народ за пару сотен долларов в месяц обслуживающий движки этого корабля), я дошел к замыслу романа о годе жизни одного из сегодняшних российских интеллигентов, сумевшем как-то приспособиться в этой жизни.

Хотя главной сюжетной линией стала вечная тема любви, я постарался оставить в тексте произведения хоть что-то от эпопеи – обзор отечественной истории, дав его через лекции главного героя – ученого-историка. Конечно, менялись и названия книги: «Унесенные селем», «Статус-кво» уступили место окончательному – «Не моя женщина».

Безусловно, это не первое мое художественное произведение. На книжной полке стоят яркие с глянцевыми обложками мои детективные романы, вышедшие в начале нового века массовым тиражом в одном из московских издательств. Я раздваиваюсь, даже расстраиваюсь ежечасно и ежеминутно. Для большинства окружающих – я обыкновенный вузовский преподаватель, разрывающийся на трех работах, чтобы прокормить семью. Коллеги читают мои научные статьи и монографии, выходящие с завидной для многих периодичностью, но почти никто из них не знает «страшную тайну» – одно из самых звонких имен отечественной женской детективной литературы – это я.

Жена, читая мой очередной опус и дойдя до последней страницы суперобложки, где «мое» традиционное для серии фото – жгучая брюнетка в глубоко декольтированной блузке, открывающей великолепную фактуру тела, мрачно шутит: «Так ты будешь выглядеть, когда сменишь пол?» – хотя прекрасно знает, что на фото – любовница главного редактора издательства, где я публикуюсь.

Жорж Санд была женщиной – это знают все. Как я дошел до такой ручки – стал женщиной в своем писательском облике? Ответ в глубинном вопросе, отчего люди начинают писать вообще. Лишь немногие писатели, материально обеспеченные – Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, М. Ю. Лермонтов – начинали творить из-за страстного желания высказаться, донести миру свой талант. Остальные, коих абсолютное большинство – Пушкин, Некрасов, Достоевский, Булгаков – только по отечественной литературе список можно продолжить до бесконечности, а в зарубежной наиболее современный пример – Дж. К. Ролинг, автор романов о Гарри Потере, – писали и пишут, чтобы прокормить себя и свои семьи. К этому абсолютному большинству писательского сообщества принадлежу и я – на преподавательскую зарплату в России семью не прокормишь.

Московским издательствам выгодно иметь дело с такими провинциальными авторами, как я. Нам платят гроши, объясняя, что большего мы не получим нигде, публиковать таких авторов под настоящими фамилиями – коммерческий риск для издательства – чтобы книги нового автора начали хорошо продаваться, на его раскрутку надо затратить десятки тысяч баксов. А где гарантия, что раскрученный новый автор окажется если не Львом Толстым, то хотя бы Акуниным на худой конец? Поэтому я и вынужден терпеть аппетитное женское тело на обложке своих детективов, женскую фамилию в «титрах» – лишь бы сын мог спокойно учиться в университете, а жена хоть изредка радовать себя обновками на зависть коллег – школьных учительниц.

У Льва Толстого 93 тома в полном академическом собрании сочинений. Георгий Троепольский вошел в историю отечественной литературы, написав уже на склоне лет лишь одну книгу, но какую! – «Белый Бим – Черное Ухо». Сумею ли я войти в эту самую историю со своим новым романом? Посмотрим. Во всяком случае, он написан искренне.

Когда я пишу, то стараюсь вжиться в образ главного героя или героини, примеряю их «шкуру» как бы на себя. У меня нет отдельного кабинета, жена и сын беспрепятственно входят в комнату, где я работаю за компьютером. Единение автора и главного героя может быть настолько тесным, что однажды из-за этого чуть не возникла семейная драма. Первый раз за многие годы семейной жизни я назвал жену Ксюшей – чужим женским именем. Только открытый на мониторе файл с рукописью моего нового детектива, где главную героиню звали Ксенией, убедил жену, что в момент нашего разговора я был «там», в своем романе. Бедная Верочка! Она, как любая женщина, сильно комплексует из-за меня и моего ремесла – трудно быть женой писателя.

Дело не только в том, что сегодня я вживаюсь в образ врача «скорой помощи», завтра – страхового агента, послезавтра – успешного журналиста, месяц спустя – столичной поп-звезды или проститутки. Мое раздвоение личности, художественный домысел, авторская фантазия позволяют мне вытворять с моими персонажами порой такое, на что я сам в реальной действительности никогда бы не решился.

Как я пишу? Текст очередной главы я обдумываю по дороге на работу и с работы, на бесполезных совещаниях, которых достаточно много в моей практике, перед сном – хорошее средство от бессонницы. Потом, когда выдаются свободные минуты, сажусь за компьютер и начинаю писать с приличной скоростью, просто перенося в электронный носитель фактически давно уже придуманный текст.

Конечно, читателей заинтересует, насколько автобиографичен главный герой моей новой книги с уже мужской фамилией на титуле – Янковский. Кстати, в моем паспорте могла быть и эта фамилия – почти девичья фамилия моей матери – она Яновская по паспорту.. Ведь Александр Николаевич Трубецкой – вузовский профессор. Конечно, в его образе много от меня – профессия, возраст, происхождение. Но Лермонтов и Печорин разве «близнецы-братья»? Так и тут. Совпадений много, но много и отличий. И еще. Работая над текстом романа, я с ужасом заметил, что вымышленные события, происходившие в книге с главным героем, в действительности начали сбываться с автором. Так, профессор Трубецкой по ходу романа попадает в травматологическое отделение больницы с ножевым ранением и переломом плеча. Через месяц после написания главы я поскользнулся на улице и попал в травматологию с сильнейшим вывихом правого плеча. Вот почему теперь я очень осторожничаю с развитием сюжета. Что будет в итоге? Кем станет для главного героя «не его женщина»? У меня нет сейчас однозначных ответов на эти вопросы. Читайте...

Автор.

Пролог

**Дневник профессора А. Н. Трубецкого.
6 сентября 2006 г. Москва.**

Не люблю поздних вечерних или слишком ранних утренних звонков. Почему-то они все-таки в меня суеверный страх. Стоит кому-то из друзей позвонить мне после девяти вечера или до семи утра, как я инстинктивно начинаю нервничать. Может, эта глупая привычка из далекого детства, когда в школе у нас изучали предмет «Культура поведения» и учительница старательно объясняла: деликатный человек не станет звонить даже родственникам после девяти вечера, это неприлично, поскольку люди могут уже лечь спать или готовиться ко сну. Звонок после этого контрольного времени, старательно внушала учительница, может иметь место только в неотложных, экстраординарных случаях – болезнь, несчастье, смерть...

Вот почему я так подозрительно посмотрел на свой городской телефон, настойчиво зазвонивший в то раннее сентябрьское утро. «Что день грядущий мне готовит?» – словами поэта подумал я, снимая трубку и произнося устало-сакраментальное:

– Да, Трубецкой...

– Саша, родной, это я, Гала, – на том конце провода послышался сдавленный голос моей младшей сестры. – Ты прости, что я так рано... Мама умерла... – после этих слов раздался явный всхлип.

– Что?!.. Когда это случилось? – я сразу представил сухонькую фигуру матери, которую видел совсем недавно, в июле, когда на пару дней заезжал к сестре в Приволжск.

– Ночью сегодня. Она во сне умерла. Я буквально несколько минут тому назад обнаружила. У нас погода испортилась, похолодало, встала, думаю, зайду, укурую одеялом, а то она все еще с лета под одной простынькой спит. Мама всегда чутко спит, ты же знаешь, а тут, я о стул ногой задела случайно, а у нее никакой реакции. Подошла к кровати, смотрю – не пойму, дышит или нет. Крикнула Юру, он подошел, посмотрел, а мама уже остывать начала, зрачки открыл, а они никак не реагирует. Юра только что скорую вызвал, милицию, а зачем, не знаю...

– Юрка не мог ошибиться?

– Ты в своем уме? С его-то опытом хирурга, Афган и Чечню прошедшего? Нет у нас с тобой мамочки, Сашуля...

– Понял. Хоронить когда собираешься?

– Сегодня среда? Ее в морг заберут, на вскрытие, так Юра объяснил, завтра вернут, это в четверг. Значит, хороним в пятницу. Вы успеете приехать?

– О чем ты говоришь? Конечно...

– Да, Саша, чуть не забыла. Ленка не включила мобильник, видимо с ночи, может, не проснулась еще, вы уж с Верой найдите ее, хорошо?

– Понял, Галина. Да, еще. Деньги я привезу, ты не волнуйся.

На кухню, где я поднял трубку телефона, зашел зевающий сын.

– Седьмой час только. Кто тебе в такую рань звонит? – Валерка потянулся к газовой плите.

– Бабушка умерла... – просто объяснил я.

– Что? Мам знает?

– Нет, она еще не встала.

– Встала, я встала! – на пороге кухни появилась Вера, плотнее запахивающая теплый халат. – Кто звонил?

– Галина. Мама умерла сегодня ночью.

– Да... Рано или поздно, но это случается, – жена тяжело вздохнула. – Летим вечерним рейсом или ты предпочитаешь поезд?

– Думаю, вечерним рейсом. Ленку надо найти, Галина до нее не могла дозвониться. Нам с тобой уладить формальности на работах. Кто помнит навскидку справочный номер Домодедово?

– Сейчас наберу! – Валерка, ходячая энциклопедия, набрал номер, протянул мне трубку.

– Девушка, доброе утро! Мне нужно четыре места на вечерний рейс в Саратов... Как нет мест? Да знаю, что Як-42, а не А-310. А в Самару? Только на завтрашний вечер... Нет, спасибо.

Положив трубку телефона, я обвел взглядом домашних.

– Все слышали? Придется поездом. Но сначала распределимся. Нам с мамой в любом случае надо заехать на работы, уладить формальности. В твой деканат я позвоню сам, скажу, что мы выезжаем сегодня. А ты давай после завтрака дуй к Ленке в общежитие, ищи кузину, как найдешь, позвони мне. 9-ый поезд с Павелецкого вокзала уходит в 17.50. Так что встречаемся дома не позднее 14.00.

Завтракали молча. Валерка, как всегда, первым управился с бутербродами и кофе. Он ушел в ванную комнату чистить зубы. Вера участливо погладила мою руку:

– Прости меня, Саша!

– Тебя-то за что? – пожал я плечами.

– Ты же знаешь прекрасно, как я относилась к Наталье Михайловне. Но смерть все ставит на свои места. Я не держу на нее зла... Но в понедельник мне надо быть на работе! – вдруг переменяв тему разговора, твердо заявила жена.

– Надо, так надо. Я, наверное, до 9-ти дней останусь. А вы втроем в субботу поездом вернетесь в Москву. Хотя никуда твоя гимназия за неделю не денется.

– Я еще посмотрю, отпустят ли тебя на 10 дней. Ты же ведь у нас незаменимый...

Отпустили без проблем. Едва я рассказал ректору о случившемся, как Эдуард Валентинович, порвав мое заявление об отпуске без сохранения содержания, заявил:

– Вот что, Александр Николаевич, мы все под Богом ходим. Сейчас приказ издам о твоей командировке в Приволжск для проведения семинара учителей истории. У тебя же сестра, если мне память не изменяет, начальник местного управления образования? Не забудь только, чтоб она письмо на мое имя оформила, мне же основание к приказу будет нужно. 9 дней 14-го? Ну вот, с 7 по 17-го, это с дорогой. Деньги в кассе есть, иди, получай командировочные.

К полудню я освободился. Надо ехать за билетами. Паспорта у меня в кейсе, нет только документа племянницы. Интересно, что не звонит Валерка? Набрал номер его мобильного:

– Валера, ты чего не звонишь? Нашел Лену?

– Папа, Ленка в общежитии не ночевала...

– Ну и дела! Что подруга говорит, которая в одной комнате с нею?

– Любовь-морковь. Но где живет парень, не знает.

– Ты где?

– Возле их общаги, на Днепровской, ума не приложу, что делать!

– Выйди на остановку троллейбуса, я подъеду через 20 минут.

Через двадцать минут, захватив сына, я ехал к главному корпусу 1-го медицинского университета. Только бы племянница была на занятиях!

В деканате лечебного факультета мне быстро нашли номер группы, где училась Елена Юрьевна Петрова, моя племянница, дочь сестры Галины. Но племянницы на занятиях не оказалось. Декан, вошедший вместе со мной в аудиторию, вынужден был обратиться к группе:

– Господа студенты, кто знает координаты Лены Петровой? В ее семье случилось несчастье, ночью умерла бабушка, а Лена еще ничего не знает...

Несмотря на усилия декана, обнаружить местонахождение Лены не удалось. Обескураженный, я вернулся к машине, в которой меня терпеливо ждал Валерий.

- Ну и что?
- Ровным счетом ничего. Никто ничего о Лене не знает... Что я Гале скажу?
- Правду. Вы же с мамой всегда учили меня говорить только правду... Пап, а не позвонить ли нам Юлии?
- Думаешь, кузины общаются? Это шанс...
- Я набрал на мобильнике номер дочери.
- Да, папа, что случилось?
- Бабушка умерла...
- Которая? – тревожно спросила дочь.
- Моя мама, Наталья Михайловна...
- Дела... Хоронить Ты едешь один?
- Нет, все трое.
- Я бы хотела поехать тоже. Не по-людски это, бабушку не проводить...
- Конечно. Юля, ты случайно не знаешь, где и с кем живет Лена?
- Кузина? – уточнила дочь.
- Да, Лена Петрова.
- Случайно знаю...
- Выручай. Она до сих пор ничего не знает о бабушке, мобильник отключен, в университете ее нет. Поможешь?
- Ты где сейчас?
- В районе Новослободской. Стоим у светофора на Селезневской улице. Мы с Валерой на моей машине.
- Проще мне до Вас доехать, чем Вы будете плутать по закоулкам. Стойте на месте, я через полчаса буду.
- Тридцать минут мы ждали Юлю. Час ехали до Профсоюзной, где, как выяснилось, жила со своим гражданским мужем Олегом моя племянница. На наше счастье, Лена оказалась дома. Открыв дверь и увидев нас троих, она присвистнула от удивления:
- Так, не хватает только тетки... Чем обязана появлением родственничков?
- Не юродствуй! – оборвал я племянницу, ощутив запах перегара. – Теперь понятно, почему Тебя нет на занятиях.
- Что, контролировать станете?! – Ленка сделала попытку захлопнуть дверь.
- Алена, кончай выступать. Бабушка умерла! – Юлька прошла в квартиру, предлагая нам сделать тоже самое.
- Баба Наташа? Как умерла? Когда? – Лена растерянно переводила взгляд с Юли на меня, потом на Валеру.
- Ночью. Галя под утро обнаружила. Надо ехать хоронить. Ты чего телефон-то вырубил? – упрекнул я племянницу.
- Слышать никого не хотела...
- Сама расскажешь, от чего или как?
- Вам расскажу. Но без передачи матери, договорились?
- Договорились, валяй! – за меня ответила Юлька.
- Забеременела я. А Олег ничего не хочет слышать о ребенке. На аборт гонит. Вот я и не в себе. Его выгнала, одной хотелось побыть, обдумать все.
- Наедине с бутылкой, значит. О ребенке подумала, если рожать станешь? – поинтересовался я у племянницы. – Ты все же медик, последствия алкоголя и прочие факторы должна просчитывать.
- Какой Ты правильный, дядя Саша, аж тошнит...
- Тошнит Тебя, подруга, от токсикоза, а не от отца! – резонно заметила Юлька. – Короче, собирайся, надо ехать в Приволжск.

- А когда едем, дядя Саша? – жалобно спросила Ленка.
- На поезда мы опоздали, придется на машине...
- Отец, а ты разве выдержишь? Практически тысяча километров, ночью? – забеспокоился Валера.
- Будем меняться. На безлюдных участках буду давать руль Тебе...
- А лучше мне. У меня и права, и опыт вождения уже имеется, – вмешалась Юля.
- Давно за рулем? – опешил я.
- С полгода уже. Митька мне «Оку» подарил. Я не хотела Тебе говорить, чтобы Ты не волновался...

– Воистину, нет худа без добра! Чего только не узнаешь о детях и родственниках! – я выразительно посмотрел на Лену. Потом перевел взгляд на дочь. – Помоги сестре собраться. Тогда ведь и за Твоими вещами надо будет захватить, а времени в обрез, не совсем же ночью ехать! – попросил я.

Вера ничуть не удивилась, увидев вместе с нами и Юлю. Право же, смерть близкого человека примиряет родственников. Даже желание ехать в Приволжск на машине не повергло ее в шок. Выехав за пределы МКАД, я доверил руль дочери. Вела она осторожно, но уверенно, по принципу «Тише едешь, дальше будешь». Убедившись, что машина и наши жизни в надежных руках, я договорился с Юлей, что до полуночи машину ведет она, а на самом трудном отрезке, с полуночи до четырех утра, когда особенно клонит спать, за руль сяду я. Откинув голову на кресло, я задремал на переднем сиденье. В тревожной дремоте пронеслось все детство, юность, все, что было связано с мамой, отцом, бабушками и дедушками, семьей, одним словом.

Глава первая. Детство

Я появился на свет Божий в декабре 1951 года, в славном городе Ташкенте – втором по площади и четвертом по населению из городов тогдашнего могучего Советского Союза. По медицинским показателям я не должен был остаться в живых – рожала меня мать тяжело и только вмешательство нейрохирурга профессора Гаспаряна – память не сохранила его имени и отчества – спасло мне жизнь. Мне не было еще и суток от роду, как скальпель профессора Гаспаряна отсек лишнее опухолевидное образование – мозговую грыжу, с которой меня угрозило появиться на свет. Откуда болезнь? Мама как-то призналась мне, уже взрослому, что во время беременности отец однажды во время скандала ударил ее в живот...

Так ли это было на самом деле, не знаю, но профессор Гаспарян спас мне жизнь. Это он дал мне имя, умывая руки после операции и слыша мой пронзительный крик – вероятно, резекцию грыжи делали без наркоза.

– Пусть кричит, как великий Македонский! Александром назовите! – посоветовал профессор плачущей от счастья бабушке, – мама в первые сутки моей жизни с постели от собственной слабости еще не вставала.

Профессор честно предупредил бабушку перед операцией о возможных рисках. «Будет или гений, или дурак!» – вполне безапелляционно выразился светило медицины. Насчет гениальности промолчу – скромнее надо быть, скромнее, да и будь я гением, вы бы обо мне услышали гораздо раньше – Лермонтов погиб в 27, Пушкин – в 37, вот то были гении! – Но и от дурака я явно далеко ушел.

Боязнь за мою жизнь можно объяснить мамину вторую беременность – через год после меня на свет появилась моя сестра Галина. Действительно, медицина, связавшись со мной в первые же сутки после рождения, еще долго не отпускала из-под своей опеки. Чем я только не болел в детстве! Моя медицинская карточка в детской поликлинике была, пожалуй, самая «толстая» – из самых серьезных заболеваний запомнились туберкулезный менингит, желтуха или гепатит, корь, камни в почках. Уже 19-летним я перенес ветрянку – в инфекционной больнице просто не существовало палат для взрослых с таким диагнозом, меня положили в детскую палату. От ветрянки осталась щербинка на лице, а от болезненности в детстве – «белый билет», как тогда называли в народе вполне красный по цвету военный билет, выданный мне в 18 лет – в армии по состоянию здоровья я никогда в жизни не служил.

С какого возраста человек начинает помнить себя? Ученые утверждают, что с двух лет. Но отчетливо в памяти всплывают картины какого-то семейного праздника. Теплый ташкентский вечер. Стол, накрытый во дворе – дед жил прямо в школе, в отдельном флигеле, разумеется. Как потом оказалось, был май 1956 года – славное для страны время, только недавно прошел XX съезд партии, Н. С. Хрущев выступил с докладом, осудившим культ личности И. В. Сталина, подуло ветром перемен. Дед в тот майский вечер праздновал свой 50-й день рождения. Мне дед казался тогда таким старым, но Бог после того майского дня дал ему еще 33 года жизни, мне бы еще хоть немножко – мне уже 55-ть, а кто знает, сколько там впереди?

Почему мне врезался в память именно тот вечер? Стоя перед многочисленными дедовскими гостями, я рассказывал первый в своей жизни анекдот. Представляете пятилетнего кроху, рассказывающего, как его сверстник приходит в булочную и спрашивает у продавщицы: «У вас изюм продается?» – «Нет», – отвечает продавщица. «А булочки с изюмом?» «Есть, тебе сколько?» «Наковыряйте килограммчик!» – просит кроха.

Из детских уст звучало весьма убедительно. Что еще осталось из тех сугубо детских воспоминаний? В перерывах между болезнями я, как и большинство моих сверстников, посещал детский сад. В детском саду я очень любил дежурить и категорически не спал днем. Воспитатели, каюсь, шли мне навстречу, дежурил я очень часто, а спать, вернее, лежать с открытыми

глазами, меня заставляли редко – теперь я понимаю, это случалось в те дни, когда детский сад проверяла очередная комиссия. Впрочем, иногда не укладывали и при комиссии – достаточно было назвать фамилию неспящего ребенка – Трубецкой – как комиссия все понимала. Детсадик был ведомственным, железнодорожным, а дед работал заместителем начальника управления учебных заведений Среднеазиатской железной дороги, то есть, непосредственным начальником всех этих комиссий.

Еще из садовских воспоминаний в память врезалась катастрофа самолета Ил-14, выполнявшего рейс Москва – Ташкент. Сейчас искушенный читатель моего возраста или старше воскликнет непременно: «Не может быть, в советское время об авиакатастрофах не сообщали в открытой печати». За все годы лишь однажды при Брежнев, когда в результате столкновения двух самолетов погибла в полном составе ташкентская футбольная команда «Пахтакор», власти были вынуждены сообщить о происшествии в СМИ – как иначе объяснить миллионам болельщиков исчезновение футбольной команды высшей лиги? О той давней катастрофе 1950-х годов я узнал лишь потому, что среди пассажиров злополучного рейса оказалась заведующая моим 12-м железнодорожным детсадом Галина Ивановна. Уж как она, безусловно имевшая право на бесплатный железнодорожный билет, попала на самолет, не помню – то ли муж работал пилотом «Аэрофлота», то ли Галина Ивановна просто опаздывала из отпуска – память ребенка столь тонких подробностей не зафиксировала. Но, как дед рассказывал о гибели моей заведующей, как плакали воспитательницы – помню отлично. Пройдет еще лет шесть – семь и уже школьником я попаду на экскурсию в аэропорт – там работал отец кого-то из одноклассников. Нас прокатили по летному полю, показали Ил-18-й, даже в кабину его провели. На выходе, на самом краю летного поля, мы, ребяташки, увидели груды металла, в которой с трудом угадывались контуры самолета. Родитель, работавший за экскурсовода, объяснил нам, что в середине 1950-х при посадке разбился Ил-14, это все, что от него осталось. Почему обломки не сдали в металлолом – точно не знаю. Возможно, их оставили как своеобразный памятник жертвам катастрофы.

Каждого ребенка с детства окружают игрушки. Конечно, были они и у меня. Какие игрушки запомнились? Деревянный конь таких размеров, что я на нем раскачивался где-то до второго класса. Трехколесный велосипед, на котором я любил кататься из одной нашей комнаты в другую даже еще в первые свои школьные годы.

Дед, по служебным делам часто ездивший в Москву, всегда старался привести мне из командировки новую игрушку. У меня была «скорая помощь» – игрушечный автомобиль с инерционным двигателем, копия тогдашнего санитарного «ЗИМа» – несколькими движениями руки я разгонял игрушку, давя задними колесами на пол, потом отпускал машинку, несущуюся с воем сирены под стульями, столом и затихавшую где-то под кушеткой.

Был кортик, пистолеты различных модификаций, двустволка, автомат ППШ, издававший характерный треск при нажатии на спусковой крючок. Еще я очень любил играть в куклы. Нет, с половой ориентацией у меня с детства было все нормально, только вот куклы сопровождали меня наравне с обширным «огнестрельным» арсеналом. Засыпал я, кладя сбоку от себя куклу, а под подушку – пистолет. Такое вот странное сочетание. Часть моих детских игрушек до сих пор хранилось где-то в маминых коробочках, которые она умудрилась взять с собой к Гале. Плюшкин по натуре, мама старалась сберечь эти игрушки для внуков, не подозревая, что у тех будут совсем другие игры.

С младенческих лет я был в руках двух женщин – матери и бабушки. Так уж случилось, что отца своего, Николая Александровича Трубецкого, я не помнил: родители разошлись, когда мне было меньше пяти лет, а Галине, соответственно, меньше четырех. До развода родители жили вместе урывками – отец служил офицером в дальнем гарнизоне в горах Таджикистана, навещался в Ташкент лишь в короткие отпуска или мимолетные командировки. Память сохранила лишь очень блеклый, нерезкий, как в старой киноленте, эпизод одного лишь

семейного отдыха в Киргизии в селе Сосновка – у меня вдобавок ко всем болячкам после туберкулезного менингита были еще и слабые легкие, вот почему врачи настойчиво рекомендовали матери выехать со мной в местечко, сочетавшее в себе целебность соснового бора и горного воздуха. Ехали мы поездом Ташкент – Джалал-Абад. В поезде дверкой купе мне прихватило пальцы правой руки, в деревне укусила собака, помню еще, как тянуло рвать от пенки на молоке – давать мне парное из-под коровы осторожная мать не решилась, все время кипятила. С тех пор пенку от молока я органически ненавижу.

Отцу с матерью в ту пору было 25—26 лет, не более – отец был на полгода младше матери. Вскоре после поездки в Сосновку родители расстались. Мать не поехала в Куляб – там находился отцовский гарнизон – только из-за меня, моего слабого здоровья – чтобы матери и ее бабушке было легче ухаживать за мной, родители отца даже забрали к себе на воспитание мою младшую сестру Галину. Постоянно нуждавшийся в квалифицированной медицинской помощи, я не мог рассчитывать на нее в забытом Богом городке. В Ташкенте же в любой момент дед показывал меня лучшим специалистам.

С высоты своих теперь уже прожитых лет я прекрасно понимаю, что подобное двусмысленное положение отца – вроде бы женат, но жена за сотни километров, в гарнизоне вместо отдельной комнаты в офицерском общежитии для семейных, комната на четверых в общежитии для холостых офицеров и вытекающий оттуда неустроенный холостяцкий быт. Гормоны играли, отец вынужден был искать связи на стороне – как ни строги советские армейские порядки и неусыпна опека замполита, незамужних и вдовушек даже на «крыше мира» – в Памире – хватало. Любовницу отца, официантку из офицерской столовой звали Лиля Мустафина. Пройдет два десятка лет и к ужасу матери, ее любимый сыночек, то бишь я, влюбится в юную прелестную татарочку Лилию Мустафину – такие вот в жизни бывают совпадения.

После развода родителей я отца больше никогда в жизни не видел. Правда, в пору откровенности, уже получив в конце 1970-х известие о гибели полковника Трубецкого, мама призналась мне, что однажды, когда я уже учился в третьем классе, отец приезжал посмотреть на меня. Завуч по начальным классам школы, где я учился, Ксения Яковлевна Замиралова, знавшая моего отца еще ребенком, не позволила ему взять меня с урока, а разрешила лишь издали на перемене посмотреть на меня, бегающего в школьном коридоре. Она стояла рядом с отцом, готовая заслонить меня своим телом, если отец попытается хотя бы сдвинуться с места. Вот так я и оказался с раннего детства преимущественно в женском окружении.

Бабушка

Первую бабушку, мать мамы, фактически положившую на борьбу за мое выздоровление свою жизнь, звали Анной Семеновной Репях – вот такая довольно необычная фамилия была у нее. Родом она происходила с Украины, в Средней Азии оказалась девчонкой, когда по аграрной реформе Столыпина в Туркестан двинулись ее родители. Анна Семеновна 1896-го года рождения, когда семья двинулась в Туркестан, ей было около десяти лет. В то время в крае шло интенсивное железнодорожное строительство. Мой прадед Семен Репях стал железнодорожником – строил железнодорожные мастерские близ вокзала в Ташкенте, неподалеку получил квартиру. Бабушка окончила школу в 1914-м, вузов тогда в Туркестане еще не было, а начавшаяся вскоре первая мировая война заставила бабушку пойти работать. Анну Семеновну тянуло к книгам, компромисс быстро нашелся – юная Анечка стала продавщицей книжного магазина. Я застал еще тот книжный магазин на улице Карла Маркса, где всю жизнь – пришла девчонкой, а ушла только на пенсию – проработала бабуля. После победы красных в гражданской войне этот магазин отошел к системе военной торговли Военторг, так что бабуля была на положении служащей Красной Армии. В войну Отечественную это положение позволило бабуле получать паек классом повыше, чем у ее гражданских коллег.

Личная жизнь бабули сложилась неудачно. Большая семья – семеро детей, в которой старшая дочь волей-неволей вынуждена стать первой помощницей работавшей матери, привела к тому, что до 34-х лет она оставалась незамужем – ее опередила младшенькая сестричка Наташа, вскоре после Гражданской войны выскочившая замуж за симпатичного бухгалтера облпотребсоюза Михаила Яновского. На свадьбе сестры Анна не отрывала взгляда от новоиспеченного родственника. Но разбивать семью, мешать счастью младшей сестры она не решилась. В 1921-м и 1922-м годах Наталья Семеновна родила мальчишек-погодок Леву и Колю. Бабушка ждала своего звездного счастья семь лет, пока в начале 1927-го года Наталья Семеновна не скончалась от туберкулеза. Бабуля вполне естественно стала присматривать за племянниками, жившими под одной крышей. Вдовец не долго горевал – официально поженились они с бабушкой через год после смерти Натальи Семеновны, выдержав положенный по христианским обычаям траур. А в ноябре 1929-го родилась мама, которую в честь умершей тети и назвали Натальей.

Так почему же несчастливо сложилась личная жизнь бабули? Поздно, но замуж все равно вышла, трое детей – мальчишки быстро назвали ее мамой, правда, мама Аня, любящий муж... Так безоблачно все и было где-то до середины 1930-х. Михаил Яновский продвинулся по службе, из рядового бухгалтера стал главным ревизором республиканской потребкооперации. В 1937-м году Михаила Яновского арестовали по печально известной 58-й статье УК – контрреволюционная деятельность. Десять лет без права переписки где-то в Сибири – живших в Средней Азии в казахстанские лагеря не сажали, считали, видимо, что это люди, привыкшие к местным условиям.

Судьба деда – типичная для миллионов его соотечественников и одногодков, если бы не одно «но». Когда началась война, дед отсидел в лагере всего лишь четыре из положенных десяти лет. Возраст деда был уже солидным – 45 лет, но всеми правдами и неправдами дед попал-таки в штрафбат. Для тех, кто не знает, объясняю популярно – это батальоны смертников, состоявшие из бывших зеков, осужденных за воинские преступления солдат и офицеров Красной Армии. Штрафбаты бросали в самое пекло, зная, что они не отступят. Смерть или ранение штрафника смывало кровью его вину перед государством. Дед оказался счастливым – тяжелое ранение, многие месяцы, проведенные на койках эвакогоспиталей, инвалидность – у него была парализована левая рука, она почти не действовала. Но и в таком состоянии его с нетерпением ждали дома – женщины советские и безногих, и безруких принимали, а тут

всего лишь одна рука, и то целая, подумаешь, еле двигается... Но Михаил Петрович, оправившись после ранения и демобилизовавшись по инвалидности, в Ташкент к жене не вернулся. Одна из медсестер, ухаживших за дедом в госпитале, подняла его на ноги до такой степени, что вскоре забеременела от деда. Ее демобилизовали, и они вместе с дедом уехали в Пржевальск – городок в Киргизии на берегу великолепного горного озера Иссык-Куль. Ребенок родился мертвым. Больше детей у них почему-то никогда не было, но дед так и прожил до конца жизни со своей фронтовой подругой, ни разу не видя своей второй жены, моей бабушки Анны Семеновны. Дочку свою и меня он увидел незадолго до смерти – в 1966-м году мы с мамой все лето отдыхали на Иссык-Куле, мама не выдержала, заехала к отцу в Пржевальск. Ей было уже 37, мне почти 15, а деду 70 лет...

После ареста мужа бабушка осталась одна с тремя детьми на руках. Правда, мальчишки были вполне взрослыми, 16-ти и 15-ти лет, только маме в 1937-м исполнилось всего восемь. Братья взяли на себя большую часть забот о сестренке, ибо бабушка работала весь день, а мальчишки ходила на базар за продуктами, иногда даже готовили еду, убирали дом, помогали сестренке делать уроки, да и в школе присматривали за ней. Братья росли смышленными, хорошо учились в школе. Удивительно, но, несмотря на наличие отца – «врага народа», братьям удалось поступить в институты. Старший – Лев Михайлович, стал ветеринаром, он успел окончить вуз как раз в 1941-м. Младший – Николай – учился в политехническом.

Когда началась война, старший, Лев Михайлович, блестяще владевший немецким языком, попал в разведшколу. Пятно в биографии – отец – «враг народа» не позволило ему стать разведчиком Генерального штаба или попасть хотя бы в разведку фронта. Лейтенант Яновский стал служить в дивизионной разведроте.

Николай офицерского звания получить не успел. Старший сержант Николай Михайлович Яновский пал смертью храбрых в день своего рождения – 6 декабря 1941 г. в самом начале контрнаступления Красной Армии под Москвой, командуя артиллерийским расчетом.

Похоронку на Николая мама показала бабушке уже после Победы. Почтальон принес ее в конце декабря 1941 г., днем, когда бабушка была на работе. Двенадцатилетняя девчонка просто спрятала похоронку и все четыре года писала под диктовку матери письма погибшему брату. Лев Михайлович, старший из братьев, пропал без вести в ноябре 1942 г. под Сталинградом, уйдя в рейд за линию фронта и не вернувшись с задания. Подробности его исчезновения мама узнала лет двадцать спустя после войны, когда ее разыскал в Ташкенте однополчанин Левы, командир той самой разведроты, отправивший Льва Михайловича на последнее задание. Формулировка «пропал без вести» оставляла маленькую толику надежды. Бабушка до самой своей смерти считала, что старший сын жив, просто попал в плен к немцам, а после войны, зная, как в Союзе относятся к побывавшим в фашистском плену, отказался возвращаться на Родину. С его знанием немецкого языка и высшим образованием он вполне мог найти приличную работу в Германии или Австрии, жениться, да и польская по сути фамилия делала его не особенно чужим за границей.

Бедная бабуля! Сначала она всю себя отдавала чужому счастью. Сама была счастлива лишь короткие девять лет. Подняла троих детей, фактически всем троим дала высшее образование, причем все это в самые страшные в истории нашей страны XX века годы – тридцатые и сороковые. Потеряла двух сыновей, мужа – Михаила Петровича бабушка считала погибшим и никогда не стремилась поехать за ним, хотя Пржевальск от Ташкента был не так уж и далеко. У Анны Семеновны не было развода с мужем. Тот, демобилизовавшись из армии, получил чистый паспорт, без всяких штампов о заключении брака. Поэтому и вторая жена его считалась вполне законной.

Что мне еще запомнилось о бабушке? Ее золотые руки. Она так вкусно готовила! Особенно печеное на Пасху – как ни старалась советская пропаганда в своей атеистической деятельности, народ по-прежнему отмечал и Пасху, и Рождество. Бабушкины куличи, ватрушки,

рулеты с орехами и кишмишом таяли во рту – настолько ароматным и воздушным было ее сдобное тесто. Сваты – родители отца – даже после развода сына каждый праздник приходили к нам и наслаждались бабушкиными творениями.

Бабуля великолепно варила варенье, благо ташкентский базар давал изобилие фруктов. Особенно ей удавалось вишневое. С детства я очень люблю вишню во всех ее видах – свежую, варенье, сушеную. До сих пор в короткий летний российский сезон я стараюсь есть вишню килограммами. Мастерски бабуля делала и вишневку – вино из вишни, не добавляя туда ни капли спирта. А ее соленья? Их вкус я до сих пор ощущаю во рту...

Конечно, помню и негатив. Истрепанные вряд ли удачной семейной жизнью, тремя революциями (и только первую она встретила ребенком), тремя войнами, голодом и холодом 1920—х – 1930-х годов, да и послевоенных 1940-х лет, ее нервы периодически давали сбой. Она могла подолгу ругаться с мамой, потом, видимо, чтобы успокоиться, наспех одевалась и в любую погоду, хлопнув дверью, уходила неизвестно куда, правда, к поздней ночи всегда возвращалась домой.

Скандалы – скандалами, но именно бабуле я фактически обязан своей жизнью – это она лежала со мной в больницах до моего 10-летнего возраста, она поила меня дома всяческими травами и лекарствами, она водила меня за руку в первый класс, пока я не возмутился и не сказал, что уже большой, и в опеке не нуждаюсь. Запомнились августовские походы с бабулей по книжным магазинам – отдельные магазины канцтоваров тогда были большой редкостью, поэтому портфель, тетрадки, карандаши, ручки, линейки и прочие школьно-письменные принадлежности мы с ней покупали в книжных магазинах.

Бабуля предпочитала приобретать канцтовары в Военной книге на улице Карла Маркса – там ее в первые годы после выхода на пенсию еще помнили сослуживцы. С какой придирчивой тщательностью бабуля рассматривала треугольники, транспортиры, коробки с карандашами, ластик, точилки, пенальчики, порой доводя молодых продавщиц до бешенства своими придирками. На грубость продавщиц бабуля невозмутимо отвечала: «Я на вашем месте так себя не вела», после чего шел длинный поучительный рассказ про то, какими вежливыми и внимательными к покупателям были продавцы в ее сталинское время, и как Хрущев распустил весь народ.

Бабушке я обязан своей страстью к авторучкам и хорошим канцтоварам. Не скажу, чтобы уж точно коллекционирую авторучки, – нет времени и сил на серьезную коллекцию, но я люблю интересные, разнообразной формы авторучки и до сих пор как мальчишка радуюсь такому подарку. В последние годы я собираю фирменные авторучки издательств, где печатаюсь, организаций, проводящих различные конференции и симпозиумы. Из остальных канцтоваров предпочитаю хорошие ежедневники. Мои студенты и школьники знают эту страсть и дарят авторучки и ежедневники по любому поводу – к Новому году, 23 февраля, Дню учителя, кто знает, ко дню моего рождения. Так что память о бабуле и ее профессии осталась во внуке...

Бабуля умерла в 67 лет от рака желудка. По моим тогдашним детским (мне было на момент ее смерти полных 11 лет) представлениям, умирала она долго и мучительно. Сейчас я бы сказал, что бабуля сгорела быстро, всего за полгода. Сухощавая по конституции своей, бабуля за зиму 1962—63 годов высохла настолько, что выражение «кожа да кости» как раз про нее. Рак желудка – одна из самых тяжелых форм этой болезни. У нас в Ташкенте была хорошая онкологическая школа – если вы помните, Александра Солженицына избавили от рака именно в Ташкентском онкологическом диспансере – студентом журфака, наслушавшись зарубежных радиоголосов и узнав эту подробность из биографии тогдашнего диссидента, я нашел этот «раковый корпус» на территории старой клиники Ташкентского медицинского института – онкологический диспансер к тому времени получил новый комплекс зданий на массиве Чилан-

зар. Но и наши онкологические светила, положив бабулю на обследование, вынесли жесткий вердикт: «Не операбельна».

Чтобы хоть как-то облегчить ее страдания, онкологи выписывали бабушке морфий – помню знаменитые красные бланки (на самом деле они были розового цвета) с круглой гербовой печатью и тремя подписями – поликлинического онколога, заведующего отделением узких специалистов и главного врача. Мама сама не умела делать уколы, выручала соседка-врач, мамина подруга. Ночные уколы делала она, а днем приходила участковая медсестра из поликлиники. Получив очередную дозу, бабуля успокаивалась в наркотическом забытье, а мы с мамой имели возможность забыться тяжелым сном вымотанных от бабушкиной болезни людей. Хотя мама и получала больничный лист по уходу за умирающей матерью, но и его нельзя было давать непрерывно, в какие-то дни мама вынуждена была выходить на работу. Тогда дома оставался я. Поить и кормить протертой кашницей – другую пищу отмиравший бабулин желудок уже не воспринимал – бабулю с ложечки я научился быстро. У меня не было чувства брезгливости – взрослый участковый врач Фрида Наумовна Киржнер объяснила, что рак не заразен.

Но я, мальчишка, никак не мог представить, как это бабуля умрет? Куда денется ее душа? Бабуля верила в Бога, нечасто, но все же ходила в церковь, икона висела в углу ее комнаты, эта бабуля, кстати, в тайне от матери и отца окрестила меня в первые месяцы моей жизни, тогда и здоровье мое пошло на поправку. До болезни бабушка часто рассказывала мне про Бога, про то, как я выздоровел в младенчестве, когда она меня окрестила в церкви – православный собор Александра Невского стоял в Ташкенте на улице Кафанова в минутах десяти ходьбы от нашего дома, поэтому, выйдя якобы на очередную прогулку со мной, бабуля, как разведчица, убедившись, что за ней никто не следит, поспешила к батюшке, совершившему таинство крещения.

В первый месяц ее недуга, когда она еще могла терпеть боль, я часто спрашивал бабулю: если Бог есть, то почему люди умирают? Она говорила, что так угодно Богу, значит, что умирающий человек выполнил возложенную на него Богом миссию. Пройдет почти тридцать лет, и я вновь задам аналогичный вопрос о смерти, только теперь не бабуле, а православному священнику отцу Игорю, настоятелю храма одного из ташкентских кладбищ.

Бабушка умерла майским утром 1963 года, по счастью, когда мама была дома. Нас с мамой бабуля уже не узнавала в последние дни, разум, вероятно, уже покидал ее от боли и морфия. Помню только, как дрогнуло ее желтое от болезни тело, конвульсия исказила лицо, из приоткрытого рта послышался хрип. Через несколько секунд хрип прекратился, бабуля застыла с широко открытыми глазами. Это была первая, но далеко не последняя смерть близкого мне человека.

Со смертью бабули закончилась безмятежная полоса моего детства. Я стал стремительно взрослеть.

Еще о детстве

Детские воспоминания – это наш двор, детские игры во дворе со сверстниками. Жили мы в Ташкенте практически в центре города на улице Большая Миробадская – после развала Союза Миробадским назвали весь район, все советские годы носивший имя Ленина. Квартиры были так называемыми «жактовскими», построенными еще на рубеже XIX – XX веков частным владельцем из саманного (необожженного) кирпича. Хозяин до революции 1917 года сдавал эти квартиры внаем рабочим и служащим близлежащих предприятий, в основном железнодорожникам. Наша квартира представляла две комнаты – побольше и посветлее имела окно в переулок, а вторая, маленькая и проходная, окон, непосредственно выходящих на улицу или во двор нашего дома, не имела. Она была очень темной, и даже летним днем приходилось зажигать свет, чтобы там читать, писать или что-то делать по хозяйству. Проходная комнатка выходила на кухню, а уж та имела выход во двор. Вот и все наше жилье. Отапливалась зимой квартира печью, следовательно, углем – до начала 1960-х годов летом ежегодно бабушка с мамой завозили этот уголь. Самосвал задом въезжал потихоньку в наш переулок, ссыпал уголь у ворот нашего двора, а дальше в кладовку ведрами его перетаскивали нанятые за поллитровку водки соседские алкаши. Когда я подрос, то год или два подряд таскал уголь сам. Тонны угля обычно хватало на ташкентскую зиму – не скажу, что в те годы они были слишком теплыми. Нет, наоборот, зимы 1958-го, 1968 годов были очень снежными и холодными. Печка не была русской по своему типу, но готовить пищу и кипятить чай на ней было вполне возможно. Летом и осенью пищу готовили на примусе или керогазке – более усовершенствованной разновидности примуса.

Семи-восьмилетним несмышленьшим я любил заморожено смотреть на тлеющие в печке угли. Однажды, воспользовавшись отсутствием бабушки и матери, я стал баловаться с огнем. Взял шприц (мне часто делали уколы и заботливая бабушка приобрела собственный шприц со стерилизатором, чтобы они всегда были под рукой, об одноразовых инструментах тогда понятия не имели), набрал в него одеколон из флакончика, стоявшего на материнском комодике, и стал тонкой струйкой распылять его на тлеющие угли, приоткрыв дверцу печки. Образовалась взвесь – капельный раствор одеколону, моментально шумно вспыхнувший. Огнем мне опалило брови. Пожара в квартире, слава Богу, не случилось. Но опаленные брови, как я их не подстригал и не подкрашивал карандашом, мама и бабуля все же заметили...

Цивилизация пришла в наш двор в начале 1960-х. Сначала разрыли нашу довольно узкую улицу, сплошь застроенную одноэтажными жактовскими или частными, но такими же саманными домами. В глубокую траншею закопали трубу магистрального газопровода, от которого шли ответвления к домам и квартирам. Бабуля страшно боялась газификации. Она почему-то считала, что я не смогу справиться с газовой плитой и квартира непременно взорвется от наполнившего ее газа. Бабушкин страх выработал у меня на всю жизнь привычку перед сном обязательно закрывать вентиль на кухне у газовой плиты.

Квартиры в нашем дворе шли буквой «Г». Мы жили в верхней угловой части этой буквы. В центре двора стояла огромная старая акация. Во дворе было семь квартир. Пять из них имели небольшие, отгороженные низким деревянным штакетником, палисадники. У кого что только не росло в этих самых палисадниках – кусты сирени, хмель, у нас – куст чайной или вьющейся розы, по весне усыпанный кремовыми пахучими цветками. Штакетник нашего палисадника и куст розы были еще усыпаны вьюнами, я любил в детстве весенним утром выбежать во двор и смотреть на распустившиеся за ночь цветы, собирать семена вьюнов, чтобы следующей весной высадить их вновь.

Как любого тогдашнего мальчишку, меня в детстве окружала всяческая живность. В кладовке, там, где хранился уголь, пока жива была бабушка, она ухитрилась держать кур – немного,

две-три несушки и один петух. В морозные зимы бабушка на ночь приносила кур в дом, оставляя их на кухне. Она клала вверх ножками табуретку и усаживала кур на импровизированный насест. Помимо кур, были щенки, так, обыкновенные дворняжки, это уже без бабушки – мама тоже любила практически всю живность, поэтому в детстве у меня были и перепелки, и канарейки, и голуби, и даже ящерицы.

По улице протекал арык – так в Средней Азии называли небольшие траншеи, служившие для подачи воды растущим вдоль дороги деревьям. В пятидесятые-шестидесятые годы арыки хорошо заполнялись водой. Мы уличная детвора, любили пускать кораблики в этих арыках.

Особая прелесть нашего детства заключалась в том, что все события проходили на виду у всех, – люди тут рождались, выросли, женились и выходили замуж, рожали собственных детей и умирали – все на глазах соседей. Атмосфера ташкентских дворики до землетрясения 26 апреля 1966 года непередаваема. Это была какая-то коммуна – климат позволял с марта по октябрь, восемь месяцев в году, под открытым небом у себя в палисадниках отмечать праздники, дни рожденья, поминать усопших. Дворовые, зная практически все друг о друге, в подавляющем большинстве случаев приходили на помощь в экстремальных ситуациях. Бабушка прожила в этом дворе 58 лет, приехав 9-летней девочкой. Мама прожила здесь 67 лет, от рождения до старости, лишь в конце XX века решившись переехать к дочери в Приволжск. Я прожил в этом дворе 24 года, от рождения до первой женитьбы в 1975-м году.

Мама

Наталья Михайловна Яновская, а потом Трубецкая, родила нас с Галой не рано и не поздно по тогдашним меркам: меня в 22 года, Галину – в 23. В юности мама была очень красива – сохранились ее детские, школьные, студенческие фотографии, доказывающие это. Вполне естественно, что отец обратил на нее внимание еще в школе. Отец учился классом ниже, будучи на полгода младше матери. Но крепкий, занимавшийся боксом юноша не привык отступать – сказывалось дворянское происхождение и тяга к офицерской профессии. Ухаживал он за мамой года три, не меньше. Такая длительность объясняется просто: после школы отец стал курсантом ТВОКУ – Ташкентского высшего общевойскового командного училища, увольнительные и отпуска случались не часто, да и мама училась в пединституте, и времени на личную жизнь у нее оставалось гораздо меньше, чем в школе.

Маму с большой радостью восприняли родители отца, мои будущие дед и бабка – о них еще речь впереди. Удивительно, но именно Александр Николаевич (дед был моим полным тезкой) и Татьяна Герасимовна в конце концов и уговорили маму выйти замуж за их сына – узнав за много лет характер будущей невестки, свекор и свекровь поняли, что лучшей кандидатуры для своего сына им не найти.

Свадьба состоялась, когда отец был на последнем курсе военного училища, тогда четырехгодичного. Потом в конце 1951-го родился я со всеми осложнениями в здоровье. Не думая, что я останусь в живых, мама решила еще на одного ребенка, через год родилась Гала – чтобы спасти меня и облегчить мамино положение, дед с бабкой, сами еще довольно молодые, забрали Галу на воспитание к себе. Но семейная жизнь у матери с отцом все равно не заладилась. Сейчас, убеленный сединами, анализируя мамину жизнь, я понимаю, что гордая мама не смогла простить отцу измену в далеком кулябском гарнизоне. По моему теперешнему разумению, ей надо было оставить меня на свою мать, бабушка и так фактически со мной возилась большее матери, Галю забрали родители мужа, а матери надо было, бросив Ташкент, ехать за отцом в Куляб. Но, не простив, она на всю жизнь осталась одной. Сколько она прожила фактически в замужестве? Хорошо, если наберется год с небольшим, а навскидку, и того меньше. На мой вопрос, где они с отцом жили, у его родителей или в нашей квартире вместе с бабушкой, то бишь тещей для отца, мама как-то ответила, что у нас. Мешала ли бабушка их совместной жизни, подталкивала ли к разводу? Вряд ли. Но, тем не менее, они разошлись, а мама на всю жизнь осталась Трубецкой, не сменив фамилию на девичью даже после гибели отца, получив дубликат свидетельства о его смерти. Даже штамп о замужестве оставался в паспорте до распада Советского Союза – только в новом российском паспорте этого штампа не было. Отец не подал на развод, он просто ушел – офицеры тогда не имели гражданских паспортов, а вскоре отец попал под очередное сокращение Вооруженных сил, затеянное Н. С. Хрущевым. Уволившись в запас, отец сумел получить чистый паспорт без всяких там штампов о браке.

После матери у отца было еще три жены, и только с последней, четвертой, отец вновь зарегистрировался официально – его назначили начальником управления уголовного розыска МВД Казахстана, а терпеть гражданский брак у 45-летнего полковника тогдашнее советское начальство не могло.

Так мама в 25 лет осталась не поймешь кем – разведенкой назвать нельзя, нет штампа в паспорте о разводе, вдова – не вдова, муж ведь жив, словом, босп – без определенного семейного положения. Второй раз мама замуж не вышла. Хотя, как я теперь понимаю, возможностей у нее для этого было предостаточно. Став взрослым, я понял, что мужчины в ее жизни после отца, разумеется, были. Из их череды детская память сохранила лишь одного – авиационного техника Федора, зашедшего в ухаживаниях за матерью так далеко, что Федор даже решился

повести нас с нею в Фергану, где жили его родители. Прожили мы в Фергане недели полторы, но в последний момент у них что-то не склеилось, и мама за Федора замуж не вышла.

Второго маминого поклонника сберегла моя уже юношеская память. Он тоже был военным, как и отец – маму инстинктивно тянуло к мужчинам в мундирах. Знакомство состоялось очень романтично. В 1964-м году мы с мамой и Галей полетели отдыхать в Крым – накануне зимой я проболел таким тяжелым бронхитом, что врачи настояли на выезде на черноморское побережье, ибо кашель не прекращался даже в мае.

Там в Крыму, на алуштинском пляже, и произошло знакомство нашей семьи с Алексеем Денисовичем Совенко. В знакомстве из нас троих больше всех был виноват именно я. Мы с Галей плескались в ласковых водах Черного моря, не так уж далеко от берега – ни она, ни я плавать практически не умели – в Ташкенте в ту пору Дворец водного спорта только начинал строиться, а на два городских озера, в парке Победы – там теперь аквапарк, и на Комсомольское озеро – мама ходить не любила, считая их притоном для пьяных хулиганов и девиц легкого поведения.

Зная, что мы не плаваем, мама притупила свою бдительность и вышла загорать на берег. Ч же оступился, попал ногой в какую-то яму, дно мгновенно ушло из-под ног, испугавшись, я стал барахтаться, отплывая как назло от берега! Галка закричала во все девчачье горло 12-летней барышни: «Помогите!», а я уже скрылся под водой. Пока растерявшаяся мать вскочила с лежака, она-то плавать, пусть «по собачьи», но умела, ее опередил какой-то высокий крепкий мужчина, с ходу нырнувший под воду и через несколько секунд поднявший меня со дна. Весьма профессионально мужчина откачал меня, вытряхнув в прямом смысле слова лужу воды из бедного мальчишки.

Естественно, после столь счастливого спасения сына, все мы перезнакомились. Мужчина и назвался Алексеем Денисовичем Совенко. В 1964-м ему исполнилось 40, а матери – 35 лет. Отдыхал он в Алуште один и с того злополучного утра провел две недели вместе с нами. Меня Алексей Денисович пытался научить плавать, но единственное, что ему удалось добиться, чтобы я держался на воде и проплывал десяток-другой метров вдоль берега, зная, что дно под ногами.

Вечерами мы ходили в местный парк. Мы с Галей катались на колесе обозрения, качелях-лодках, хотя у меня с детства слабый вестибулярный аппарат и я панически боюсь высоты, неуверенно чувствую себя в гололед, а катаясь на качелях, всегда вцепляюсь руками за поручни, боясь оторваться, поглощали невероятное количество мороженого и лимонада, щедро дарованных нам взрослыми.

Дискотек тогда не было, их заменяли танцплощадки – асфальтированные пяточки, окруженные металлической решеткой. На пяточке располагалась небольшая ракушка-сцена, где играл как тогда называли ВИА – вокально-инструментальный ансамбль. Иногда танцы шли просто под магнитофон, естественно, еще катушечный. Нас с Галкой в силу юного возраста на танцплощадки еще не пускали, поэтому, вдоволь наевшись мороженого и напившись лимонада, мы устраивались на широченной массивной скамейке, наблюдая за тем. Что происходило там, за забором, на танцплощадке.

Массовик (так в ту пору называли нынешних ди-джеев) организовывал различные конкурсы, в основном на лучшее исполнение разных танцев – вальса, танго, фокстрота, польки. Наш новый знакомый очень уверенно и вообще выглядел молодцом. Загоревший до черноты, сильный – он до отказа сжимал силомер, стучал гирей так, что стрелку прибора заклинивало, – уверенный в себе, он чем-то неуловимо напоминал Василия Ланового – современная молодежь вряд ли помнит этого великолепного актера, впрочем, один из самых культовых фильмов с его участием – «Офицеры» – показывают по многим телеканалам накануне 23 февраля, а люди моего поколения помнят и его Павку Корчагина, и Курагина в «Войне и мире», и эпизод на пляже в «Полосатом рейсе». Танцевал Алексей Денисович тоже умело, поэтому почти

каждый вечер они с мамой завоевывали призы, в основном плюшевых медведей, которых у нас с Галкой скопилось за то лето целая семья.

Алексей Денисович быстро вычислил мамину специальность – учитель русского языка и литературы, но сам на любые вопросы о роде его занятий отвечал уклончиво – офицер. Я был слишком мал, чтобы понять в то лето, в каких войсках служит наш новый знакомый. Помню лишь эпизод, много лет спустя натолкнувший меня на верный ответ. Однажды мы допоздна засиделись на пляже – новолуние, обалденная серебристая дорожка на воде, полный штиль, чуть слышный рокот прибора, негромкий рассказ Алексея Денисовича об Острове Свободы – Кубе, где ему удалось побывать не так давно. Крым был погранзоной. Побережье ненавязчиво патрулировали пограничники. На пляже сидело несколько парочек влюбленных и наша четверка, издали вполне сходявшая за семью. Лейтенант – старший наряда, предельно вежливо, но настойчиво потребовал наши документы. Мама вынула из сумочки свой паспорт и наши с Галиной свидетельства о рождении. Алексей Денисович достал из заднего кармана брюк какую-то красную книжечку с гербом СССР на обложке – единственное, что я успел заметить при свете фонарика в руках пограничника. Ознакомившись с содержанием удостоверения, молоденький лейтенант взял под козырек, произнес: «Виноват, товарищ полковник! Отдыхайте!» и двинулся вместе со своими двумя подчиненными к романтическим парочкам, которых пограничники удалили с пляжа незамедлительно. По своей детской наивности я поинтересовался, отчего погранцы удалили всех, оставив лишь нас в покое?

– С детьми мы в Турцию, Болгарию или Румынию явно не поплывем! – хитро улыбнувшись, ответил Совенко.

Отдых в Крыму закончился. Мы улетали первыми. Алексей Денисович провожал нас в Симферополе и вновь отличился, пройдя с нами до трапа самолета – ни одного другого провожающего дальше перрона не пускали.

Совенко присылал открытки и письма, написанные очень красивым, крупным, не по мужски удивительно четким почерком. После лета 1964-го мы виделись с Алексеем Денисовичем дважды. В 1969-м он совершенно неожиданно без телеграммы прилетел в Ташкент в конце июня. «Я хотел попасть к Саше на выпускной вечер», – объяснил он нам цель своего приезда. Три дня мы показывали Совенко наш город, разговаривали о моей дальнейшей судьбе. У меня была мысль стать офицером, поступить во Львовское высшее военно-политическое училище – там существовал факультет журналистики, но придирчивая призывная комиссия забрала меня из-за последствий перенесенного в детстве туберкулезного менингита, в моем военном билете стоял штамп: «В мирное время к воинской службе не годен, в военное – годен к нестроевой». Совенко опечалился этому обстоятельству. «Я бы мог порекомендовать Тебя в другие войска, но там отбор по состоянию здоровья еще строже, чем для военного журналиста».

Последний раз мы виделись с Алексеем Денисовичем в Москве, в 1989 году. Я приехал туда по своим историческим делам, на какой-то очередной симпозиум. Вечером в гостиничном номере раздался стук в дверь. На пороге стоял Совенко – поседевший, но по-прежнему кряжистый с характерной военной выправкой. Я удивился, как Алексей Денисович смог меня найти, ведь о своем приезде я не сообщал ему, да и честно говоря, переписка матери с Совенко угасла где-то в конце 1970-х годов. Весь вечер и всю короткую июньскую ночь мы проговорили с Алексеем Денисовичем за бутылкой традиционного молдавского «Белого аиста» – этот коньяк был любимым напитком большинства советской интеллигенции тех лет. Тогда, 37-летний, я узнал удивительную историю человека, с которым познакомился четверть века назад.

Семнадцатилетним парнишкой, прибавив себе год, Алексей Совенко оказался на фронте. Он очень любил технику, виртуозно водил легковушки – отец, возивший директора крупного завода на Днепропетровщине, откуда родом и был Совенко, научил сына мастерскому вождению автомашин и мотоциклов. В войну Алексей возил военное начальство – командира полка, дивизии, а в 1942-м он приглянулся самому Хрущеву. Оставшиеся годы войны

Совенко был личным водителем Никиты Сергеевича. Тот сыграл значительную роль в становлении Совенко. После парада Победы юного лейтенанта отправили учиться в одну из спецшкол МГБ – так тогда называли будущий всемогущий КГБ – Комитет Государственной Безопасности. Окончив ее, старший лейтенант Совенко продолжал работать у Хрущева, в его охране, быстро пройдя путь от рядового сотрудника до заместителя начальника охраны Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Правительства СССР. Вот почему и пограничный патруль на алуштинском пляже, и милиция в аэропорту Симферополя беспрепятственно пропускали Совенко – корочки полковника КГБ СССР действовали тогда магически, словно волшебная палочка. В свой летний приезд 1969-го года к нам в Ташкент Совенко был уже генерал-майором и начальником охраны теперь уже опального бывшего советского лидера. Алексей Денисович мечтал устроить меня в училище КГБ, утверждая, что из меня вышел бы неплохой аналитик – умные головы КГБ были нужны всегда. Но не судьба, как говорится...

В том московском разговоре я деликатно затронул взаимоотношения матери и Совенко. Алексей Денисович честно признался мне, уже взрослому мужику, что Наталью Михайловну он очень любил, но был не свободен в 1960-е годы – его жена стала инвалидом в результате автомобильной катастрофы, в которую попала, пока Совенко был с Хрущевым в очередной зарубежной поездке. Она могла передвигаться только с помощью костылей и предпочитала одна, без мужа или кого-то из двоих сыновей, из дома не выходить.

– Я не мог ее бросить, понимаешь, Санька! – Совенко, несмотря на изрядную дозу выпитого коньяка, говорил удивительно ясно. – Лучшие годы с ней, двое пацанов, старший – твой ровесник, я же не сволочь какая-нибудь, чтобы жену в таком состоянии оставить. Да и мальчишки меня не простили бы...

Третий поклонник ворвался в материнскую жизнь апрельским вечером 1966 года. Матери в ту пору было полных 36 лет. Она с подругой студенческой поры стояла на трамвайной остановке у театра имени Навои. Выглядела мама в ту пору гораздо моложе своих лет. К девушкам подошли два офицера и поинтересовались, каким трамваем лучше всего добраться до гостиницы КЭЧ. Транспорта долго не было, женщины предложили пройти пешком. Домой мама вернулась далеко за полночь. Я не спал, переживая, не случилось ли что с мамой.

На рассвете – 26 апреля – грянуло знаменитое ташкентское землетрясение. Геннадий Григорьевич Васин – так звали молодого капитана, ровесника Гагарина, 1934 года рождения, был офицером-железнодорожником, комендантом одной из узловых станций на Среднеазиатской железной дороге. По роду службы капитан часто приезжал в командировки в Ташкент. Первый год нашего знакомства он еще как-то стеснялся меня, ночевал в военной гостинице, благо она была в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Потом, заявив мне однажды «Я люблю твою мать», стесняться перестал и в каждый свой приезд в Ташкент останавливался у нас.

Геннадий Григорьевич запомнился мне громадной эрудицией и аккуратностью. Он учился в Москве, в Академии военных сообщений, о службе ничего не говорил, но его эрудиция проявлялась во всем. Мать, профессиональный филолог, проигрывала офицеру-железнодорожнику в «Балду» – интеллектуальную игру, которой нас научил он. Играть в «Балду» могут минимум два человека. Мы обычно играли втроем – так интересней. Первый ставил на листе бумаги любую букву, второй игрок слева или справа от первой буквы приписывал другую, задумывая свое слово – существительное в именительном падеже единственного числа. Имена собственные запрещались. Главной задачей любого игрока являлась заставить закончить слово других. Закончивший слово получал первую букву в пятибуквенном существительном «Балда» и начинал новый кон игры. Пятый проигрыш означал, что на сегодняшний день балда – ты. Первым обычно проигрывал я, второй – мама. Побеждал всех капитан Васин.

Мама всегда возмущалась, откуда Геннадий Григорьевич взял то или иное слово. Но, проверяя его варианты в академическом словаре, всегда убеждалась, что прав Васин. Неизгла-

димое впечатление на меня, подростка, произвел не только интеллект Васина, но и его аккуратность. Под влиянием его примера я вот уже четыре с лишним десятилетия ежедневно сам стираю собственные носки, бреюсь даже по выходным или в отпуске, сам глажу свои рубашки и брюки.

Отношения мама и Васина бурно продолжались лет семь, до 1973-го года. Я успел вырасти, окончить школу, поступить в университет, начать работать, а они все встречались. Васин из капитана стал подполковником. Рост чинов после окончания академии неизбежно привел и к карьерному росту: Васина забрали из его пустынной туркменской тьмутаракани (таким мне казался его областной центр, где прежде служил Васин) в Ташкент, в аппарат отдела военных перевозок Управления Среднеазиатской железной дороги. Перевод Васина в Ташкент роковым образом сказался на их с матерью взаимоотношениях. Васин, конечно же, был женат. У него был сын, разумеется, младше меня – в 1966 году Васину было всего 32 года, а сыну лет восемь, не больше. Пока Васин служил в Туркмении и навещался в Ташкент лишь эпизодически, ему легко было скрывать свою связь с посторонней женщиной. Сослуживец, бывший очевидцем их с мамой знакомства, вскоре перевелся на другую дорогу, поэтому никто из коллег, а потом и подчиненных Васина не знал о его ташкентской любовнице. Но переезд в Ташкент спутал все карты Васина. Жить на две семьи стало для Васина очень сложно. Как объяснить жене частые задержки на работе – только спецификой армейской службы? Но дома у Васина стоял телефон, на работе, конечно, тоже, и его супруга, Галина Леонидовна, в любой момент, вовремя не дождавшись мужа к ужину, могла позвонить ему на работу. Чтобы сослуживцы прикрывали Васина – поехал на товарную станцию, проверяет комендатуру станции пассажирской и т.д, мужская солидарность в своей изобретательности не знает границ, сослуживцам надо было рассказать про увлечение, а Васин не из болтливых. Сослаться на плохо работающий транспорт тоже невозможно – Васин ездил на работу на своем «Запорожце».

В итоге через пару месяцев ташкентской жизни жена Васина догадалась о существовании соперницы – женщины как-то интуитивно чувствуют это, и поступила мудро: узнав, что соперница старше мужа на пять лет, а ее самой и вовсе на десять, в год их переезда в Ташкент Галине Леонидовне едва исполнилось 34, она без всяких скандалов, уверенная в порядочности мужа, просто-напросто забеременела, и через положенные девять месяцев родила великолепную девочку Ольгу.

Матери везло на порядочных офицеров, точнее, везло их законным женам, а не матери. Гена – так его называл даже я, разумеется, за глаза, не смог оставить беременную жену, а потом и кормящую мать. Мама страшно переживала этот разрыв. Умом она понимала Васина, но сердцем... Что только мать не предпринимала: и ждала его после работы у Управления дороги, и звонила на работу, а однажды, как разведчица, зная домашний адрес Васиных, даже проникла к ним в квартиру под прикрытием обхода микроучастка – это когда учителя из соседней школы обходят близлежащие дома и переписывают всех несовершеннолетних – от младенцев до студентов.

Вылазка во «вражеский тыл» окончательно убедила мать в бесперспективности ее борьбы – десять лет разницы для женщин – пропасть. Мама как-то сразу сникла, состарилась. Ее можно понять. Геночку мама просто боготворила. Он весьма нежно относился и к ней, и ко мне. Васин не стеснялся навещать мать в больнице – и все медсестры и больные в палате ахали: какой у вас удивительно заботливый муж. Однажды, не минуты не сомневаясь, Геннадий Григорьевич отправился вместе со мной навещать попавшую в больницу мою девушку, а та в следующий вечер честно призналась мне: «Сашенька, я влюбилась в Твоего отчима! Бросишь меня – соблазню Геннадия Григорьевича, мужики падки на молоденьких девчонок».

Не знаю, случайно это совпадение или нет, но в конце 1978-го года подполковника Васина перевели служить в Москву. Возможно, сказались его личные качества, в армии ум тоже иногда ценили. Но порой я думаю вот о чем. Когда мама познакомилась с Васиным, ей было всего

37 лет. Решись она тогда первой использовать это неотразимое женское оружие – беременность, как тогда поступил бы Васин? Настали бы другие времена в их отношениях? Но мама это оружие не использовала.

Наши взаимоотношения, сына и матери, нельзя назвать безоблачными. В них было всякое – и глубокая нежность с моей стороны к матери – она дала мне жизнь, и полное непонимание ее шагов и поступков. Личная жизнь – с одной стороны я благодарен маме за то, что в моей жизни не было отчима, в независимости от причин, объясняющих это – мама утверждала, что посвятила мне всю свою жизнь, не выйдя вторично замуж. Но это, пока я рос. Но в 24 года я женился, ей было всего 46, вполне еще можно устроить собственную семью. Мама пыталась это сделать, даже нашла в середине 1980-х старичка, старше себя лет на восемь (ей 56, ему 64, вполне цивилизно), даже переехала к нему в двухкомнатную квартиру возле ташкентского авиационного завода. Но старичок вскоре умер от сердечного приступа, а регистрировать брак они не спешили, вот и оказалась мама снова на «графских развалинах» своей дореволюционной квартиры.

В квартирном вопросе я не понимал мать больше всего. «Графские развалины», «разбитое корыто» – это только самые ласковые определения, характеризующие мамины жилищно-бытовые условия, в которых она прожила 66 с лишним лет, практически всю жизнь. В таких условиях сейчас живут немногие. И дело не только в том, что наша двухкомнатная жактовская квартира была лишена элементарных санитарных удобств – туалет на улице, отопление печное, слава Богу, хоть газ провели в начале 1960-х годов. Дело в другом.

Обстановка нашей квартиры напоминала съемочный павильон местной киностудии, где снимается фильм о 1920-х или 1930-х годах. В большой светлой комнате стояла мамина металлическая кровать на сетке с перинами и несколькими подушками. Над кроватью висел ковер – репродукция картины В. Перова «Охотники на привале». Рядом с кроватью, ближе к окну – этажерка с книгами издания 1920—1940-х годов – работая в книжном магазине, бабуля потихоньку собрала неплохую библиотеку русской классики. В углу от этажерки – комод с бельем, также старинной работы. У окна – ножной вариант швейной машинки знаменитой немецкой фирмы «Зингер», попавшей в нашу семью на рубеже еще XIX и XX столетий. Помню время, когда бабушка или даже мама что-то строчили на ней.

Книжный шкаф в левом дальнем углу комнаты мы приобрели где-то в конце 1950-х годов. Он стал одной из самых современных вещей в квартире. По левой стенке стояла небольшая софа, внутри которой хранились отрезки ткани сороковых – начала пятидесятых годов. Однажды я нашел там великолепный отрез шерсти цвета хаки, оставшийся после отца, раскроил под пиджак для себя, но сшить сам не сумел. Соседка тетя Зоя, которой мать дала взглянуть на творчество 13-летнего сына, заметила, что крой профессиональный и по сходной цене дошила этот пиджак, вызывавший целый год острую зависть моих одноклассников – цвет хаки тогда входил в моду.

Ближе к выходу стояло что-то, напоминающее тумбу, нижнее отделение которой было отдано книгам, а в верхнем ящике – предметы моих мальчишеских интересов – старые канцтовары 1940-х годов – карандаши, ластик, первые советские шариковые авторучки, какие-то блокнотики, линейки, транспортиры и множество другой увлекательной мелочи. Зарплату бабуле натурой платили? Не пойму до сих пор. Наконец, две самые могучие вещи украшали комнату – по левую руку от входа платяной шкаф настоящего дерева, настолько высокий, что упирался почти под потолок, и огромный раздвижной стол, разумеется, из натурального дерева на огромных толстых ножках. В раздвинутом виде за него легко усаживалось 20 человек. Точно такой же стол я видел у деда с бабушкой. К убранству комнаты стоит добавить пяток венских стульев, размещавшихся вокруг стола, коробки из-под обуви, в большом количестве лежавшие под материнской кроватью и на верху платяного шкафа. Комод был усыпан различными

статуэтками, флакончиками из-под духов и одеколонов – мама предпочитала духи «Красная Москва» и одеколон «Кармен».

Если бы не телевизор – один из первых ламповых «Рекордов», в конце 1970-х годов уступивший место своему более современному, но все равно черно-белому собрату, квартира казалась как бы застывшей во времени на несколько десятилетий. Радио – кстати, той же марки «Рекорд», не имевшее даже радиолы, в старших классах я уговорил мать купить за 17 рублей проигрыватель-приставку, подключил его к нашему старенькому радиоприемнику, сделав нечто напоминающее современный музыкальный центр.

Под стать главной была и маленькая комната – после смерти бабушки она безраздельно стала моей. Спал я все годы на такой же сетчатой железной кровати, разве что прикроватный коврик был с орнаментом, а не с пейзажем. Собирая в детстве значки, я украшал ими свой ковер. Рядом с кроватью стояло нечто среднее между письменным столом и этажеркой – при свете настольной лампы я писал там домашние сочинения, делал остальные уроки, читал. В небольшой ящичек я вставил замочек для мебели и хранил письма от девчонок, запирая их от не в меру любопытной подчас матери. Помимо шкафа для посуды в моей комнате с незапамятных времени стоял огромный сундук – сними с него пожелтевшее от времени зеркало, многочисленные коробки и банки с вареньем, – при желании на сундуке можно было спокойно спать даже двоим, постелив, разумеется матрас.

Сундук достался бабушке в наследство еще от ее родителей. Подозреваю, что они привезли его с собой из Украины, когда мигрировали в Туркестан. Лишь однажды за все время после смерти бабушки мать отважилась снять с сундука весь хлам (это по моему мнению) и показать мне содержимое почти сказочного сундука. Внутри него лежали пластинки еще XIX века, для граммофонов, потом постреволюционные советские, уже для патефонов – патефон я, кстати, еще застал в нашей квартире и очень любил крутить его ручку, мама всегда предупреждала меня: «Не сверни голову патефону», в смысле, не порви пружину при заводе. Подобная коллекция сегодня имела бы приличную стоимость у знатоков.

После бабушкиной смерти мы провели на кухню водопровод, чтобы облегчить стирку и мытье посуды – до этого приходилось воду таскать ведрами из колонки, стоявшей во дворе. Сливную яму вырыли в своем палисаднике и, поскольку, кроме умывания и мытья посуды да стирки раз в неделю воду ни на что не тратили, яму за тридцать лет так ни разу и не чистили.

До землетрясения наша квартира меня устраивала – так жили абсолютное большинство ташкентцев, многоэтажных домов с нормальными с сегодняшней точки зрения условиями, было мало, их интенсивное строительство началось лишь в хрущевскую пору в конце 1950-х. Одной из маминых подруг, Раисе Дмитриевне Баранчиковой, чей муж работал в органах – так уважительно тогда называли КГБ, дали вместо аналогичной с нашей новую благоустроенную квартиру на Чиланзаре, только что начавшем строиться огромном жилом массиве, в окончательном варианте растянувшимся на два городских района с численностью жителей в каждом более двухсот тысяч. Тогда я впервые увидел, что такое благоустроенное жилье, хотя хрущевку с совмещенным санузелом теперь трудно назвать благоустроенной.

Я вырослел, начал ходить по друзьям, видел чистоту и порядок в их даже не благоустроенных квартирах, в которых начали появляться мебельные «стенки», магнитофоны, на излете 1960-х – и цветные телевизоры, хотя по тем временам они стояли бешено дорого – 750 рублей, в нынешнем масштабе цен это 75 тысяч. Как шутили молодые тогда кавээнщикимысле, не порви пружину при заводкечную стоимость у знатоков. учку. – патефон ь хлам (это по моему мнению) и показать мне со, купить цветной телевизор в те годы могли или веселые, или находчивые. Ничего из перечисленного в нашем доме не было. Первый взнос на двухкомнатную кооперативную квартиру тогда составлял 800 рублей, столько же стоил тогдашний «Запорожец» или «горбатый». Мама работала одна, отец алиментов не платил, денег едва хватало на еду и одежду, хотя квартплата тогда составляла сущие копейки – за квартиру, свет и газ мы

платили в общей сложности десять рублей. Мамины друзья, дед с бабкой предлагали взаймы эту сумму, чтобы потом расплачиваться как за кредит, несколько лет. Мама занималась репетиторством, летом при желании ей можно было по две-три смены работать воспитателем в пионерских лагерях, словом, года за два – три мы бы с этой суммой расплатились. Но, великий консерватор, мама не пошла на риск (по ее словам). После землетрясения наш район оказался в зоне сноса. Мама терпеливо 30 лет (!) ждала эту милость от государства и, не дождавшись совсем немного, уехала на постоянное место жительства к своей младшей дочке в Россию. Иногда я думаю, что мама не захотела менять квартиру в те годы, поскольку новая квартира потребовала бы и новую мебель, а где взять столько денег сразу?

Не рискуя по-крупному, можно было хотя бы потихоньку менять мебель, но, кроме двух холодильников, «Бирюсы» и «Днепра», ничего нового в нашей квартире не появилось. От матери в наследство мне досталось равнодушие к порядку в квартире. У нее книжки, газеты лежали пачками, причем последние не уничтожались годами. Теперь, сорок лет спустя, мой компьютерный стол завален книгами и бумагами наподобие материнской квартиры, а моя бедная Верочка бесполезно бьется со мной, временами, когда я в командировках, наводя на моем столе новый порядок.

Так мы и жили с мамой – по современным меркам как нищие, тогда – чуть ниже среднего уровня. Маму я запомнил склонившуюся над тетрадками, вечно опаздывающую – на работу она убегала впритык, в школу врывалась со звонком. Еще запомнилась одна материнская особенность – страсть к лекарствам. Она пила их смолоду лошадиными дозами, и пыталась привить эту привычку и мне. До сих пор львиная доля ее пенсии уходила на лекарства, да и к Галине она переехала только потому, что зять Юрий был классным врачом – он ежедневно мерил теще давление, приводил из больницы друзей – узких специалистов, придирчиво осматривающих мать.

Дед

Мой дед по отцу, полный тезка – Александр Николаевич Трубецкой – родился в Белоруссии в мае 1906 года. Так уж случилось, что его отец к тому времени командовал одним из пехотных полков русской армии, расквартированной неподалеку от Минска. В 1909 г. прадеда перевели командовать уже дивизией в Туркестан. Так дед оказался в Ташкенте. Когда началась Первая мировая война, дивизия генерала Н. А. Трубецкого была переброшена на фронт. В 1915-м, по осени, прадед героически погиб в бою. Дед с матерью так и остались в Ташкенте. Благодатный по сравнению с Белоруссией климат, безбедное существование на государственную пенсию вдовы и двух сыновей – впереди был традиционный для княжеской семьи путь: гимназия, военное училище, служба во имя царя и Отечества.

Хотя княгиня Елизавета Трубецкая с детьми жила в новой, европейской части Ташкента, мальчишки общались с узбекскими, таджикскими, еврейскими детьми, чьи отцы были чиновниками в царской администрации Туркестанского края. Способность к языкам проснулась у деда с детства. К окончанию школы – уже советской, разумеется, дед великолепно говорил на узбекском, таджикском, сносно владел фарси, понимал идиш и иврит. Понятно, что его очень интересовали восточные языки. Окончив в 1923 году ташкентскую школу №1 – так стала при большевиках именоваться бывшая царская гимназия, отец поступил на восточный факультет недавно открытого первого в Туркестане университета – тогда он назывался САГУ – Среднеазиатский государственный университет. Дед поступил без проблем – а как иначе, если абитуриент наизусть читал Коран на арабском, стихи Навои, Фирдоуси, Омара Хайяма – на их родных языках, разумеется. Но, поступая в университет, дед совершил преступление (по советским, разумеется, меркам), исказив сведения о своем социальном происхождении. В анкете для поступающих в графе «отец» дед написал: солдат, погиб в империалистическую войну. Прошло два года и ВЧК-ОГПУ докопались до истинного происхождения деда, оказавшегося на поверку сыном царского генерала. Первая и вторая советские конституции лишали детей бывших дворян, купцов первой и второй гильдии, царских чиновников и офицеров царской армии права получения высшего образования. Вина деда усугублялась еще и тем, что он к тому времени был не просто студентом второго курса, а студентом-коммунистом.

Отвечать пришлось сразу и дважды за одно и то же деяние, перед партией и перед государством. Перед государством ответственность светила уголовная, из партии грозило исключение. Поскольку вначале должны были разобраться по партийной линии – сначала полагалось исключить из партии, а затем уже предать суду как беспартийного гражданина, то дед был пока на свободе. Его персональное дело разбирала партийная комиссия – аналог гражданского суда в ВКП (б). Деда из партии, безусловно, исключили. Но по уставу он имел право на апелляцию в любую вышестоящую над райкомом партийную организацию, вплоть до ЦК ВКП (б). Генеральному секретарю ЦК товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину и успел написать дед перед арестом.

В наше время его письмо затерялось бы в тысяче других, приходящих на имя Президента страны. В лучшем случае его отправили бы в местную администрацию – разобраться и доложить об обстоятельствах дела. Но тогда, восемьдесят с лишним лет назад, дедова апелляция на исключение из партии и университета легла на стол самого Сталина. Я уж не знаю, под хорошее настроение ли попало это письмо к будущему вождю всех народов, или Сталина тронули проникновенные строки деда – он написал, что да, его отец, боевой генерал, но пал смертью храбрых в 1915-м, защищая Отечество, в Гражданской войне, следовательно, не мог принимать участие, против красных не боролся и, по мнению деда, доживи отец до революции, непременно встал бы на сторону новой власти. Факт остается фактом. Вскоре деда освободили из следственного изолятора, восстановили в рядах коммунистической партии и в студенческих

рядах. Дед получил личное послание И. В. Сталина: «Дорогой Александр Николаевич! Мне понятна Ваша тяга к знаниям. Дети за отцов не отвечают – это правило должно соблюдаться в советской стране. Но Вы можете гордиться своим отцом, павшим на поле боя за независимость Отечества. Гордимся и мы, помня всех истинных патриотов России. Поэтому Вы восстановлены в партии и в университете. Партии нужны грамотные кадры. Всего самого доброго! С коммунистическим приветом Иосиф Сталин, Генеральный секретарь ЦК ВКП (б). 25 ноября 1925 года».

Это короткое послание на бланке ЦК партии более полувека простояло в рамочке на письменном столе деда как самая драгоценная семейная реликвия. Оно сыграло роль защитного тотема – в разгар репрессий товарищи из компетентных органов раза три наведывались к деду – и в 1937-м, и в начале 1940-х, и в 1949-м по ленинградскому делу – у деда было много знакомых из Питера. Всякий раз, начиная обыск, оперативники наталкивались на это сталинское письмо и фотографию, на которой дед был изображен рядом с вождем – снимок сделали в Кремле, где дед побывал на одном из всесоюзных совещаний учителей – хотя дед хотел заниматься наукой, партия направила его в школу. Чекисты, прочитав послание и взглядев снимок, извинялись за ошибку и уходили, оставив деда и его семью в покое. Письмо это позволило младшему брату деда стать офицером уже Красной Армии. Комполка Владимир Николаевич Трубецкой, как и его отец, пал смертью храбрых, защищая Родину, только теперь уже в войну Великую Отечественную.

Сталин как бы незримо следил за судьбой деда – тот весьма успешно продвигался по административной линии, пройдя в школе путь от рядового учителя узбекского языка до директора той самой школы, где потом учились мои родители и я сам. Вот почему двухкомнатную квартиру без всяких удобств, такую же, как и у нас, из саманного кирпича, ему дали прямо во дворе школы. В маленьком флигеле кроме деда расположились еще две учительские семьи. В первом и втором классах на переменах я не бегал в буфет, а мчался к бабушке, пил у нее чай со всякой вкуснятиной.

В 1961-м дед, давно уже работавший первым заместителем начальника отдела учебных заведений Управления Среднеазиатской железной дороги, получил, наконец, благоустроенную квартиру в двухэтажном железнодорожном доме в центре города, на Спортивной улице, это рядом с хореографическим училищем. Двухкомнатная квартира с огромной лоджией, фактически игравшей роль третьей комнаты в жарком ташкентском климате, долгое время была предметом зависти для меня и мамы.

С дедом было восхитительно ходить на базар – так на Востоке называют рынок. Долгие годы он покупал продукты на Госпитальном базаре, возле которого жил, потом, переехав на новую квартиру, стал посещать Туркменский рынок, рядом с которым прожил последние 28 лет своей жизни. Дед был прирожденным востоковедом. Он с ходу определял национальность продавца по одному ему знакомым признакам – узор тюбетейки, расцветка халата, диалектизмы в речи – и начинал торговаться на родном наречии продавца. Это вызывало закономерное удивление со стороны продавцов – надо же, русский с виду мужчина, а говорит по-нашему, без акцента. Разумеется, восхищенные продавцы уступали деду в цене, порой до половины выставленной стоимости товара. Только в последние два года перед смертью, когда дед уже тяжело болел, бабушка отправлялась на базар сама, но по-узбекски она говорила плохо, хотя сама выросла в Кагане (это городок близ Бухары) в махалля – так назывались улицы и кварталы, населенные преимущественно местными народами. Вот почему бабушка все время удивлялась, как резко подорожали продукты из-за горбачевской перестройки.

Когда дед и бабушка (ее звали Татьяной Герасимовной) поженились в таком далеком 1928-м году, двадцатилетняя бабушка совершенно не умела готовить, а двадцатидвухлетний дед, природно расположенный к поварскому делу, умел готовить практически все – и супы, и вторые блюда, и салаты, даже печь пироги и торты. Свое мастерство в медовый месяц дед

тщательно скрывал от юной супруги. Этот его тактический ход принес стратегическую победу: бабушка, уверенная, что без нее муж умрет с голоду, вынуждена была за короткий период освоить все кухонные премудрости.

– Бабушка никогда бы не научилась готовить, встань я на следующее утро после свадьбы к плите, – делился опытом со мной дед, показывая, как готовить плов, мариновать шашлык, лепить пельмени или делать весенний салат. От деда я научился готовить практически все, но всем трем женам говорил, что умею лишь плов и шашлык – чисто мужские блюда. Но в форс-мажорных обстоятельствах, оставаясь единственным взрослым в семье, я готовил для всех. Ничего, ели.

Конечно, дед запомнился мне не только тягой к кухонным изыскам. Сказывалась дворянская кровь – дед любил проводить приемы, вечера, как и его княжеские предки. Дед был центром известного кружка ташкентской интеллигенции, куда входили не только педагоги – сослуживцы деда, но и повзрослевшие ученики, которых у деда за десятки лет было великое множество. Гостеприимные двери его дома были открыты всегда, но по праздникам его дом становился интеллектуальной тусовкой, на которой без стеснения и вполне открыто все вопросы, волновавшие страну в те годы. Я начал на правах старшего внука участвовать в этих тусовках пацаном еще в хрущевскую оттепель, потом юношей – в брежневский «застой». Не помню случая, чтобы кто-то из собеседников за столом боялся открыто высказывать свои мысли, боялся, что его «заложат». Дед знал семью писателя Леонида Андреева, был знаком со многими узбекскими писателями, артистами, учеными.

Среди его друзей мне запомнился одноклассник деда по восточному факультету университета, назовем его Николаем Михайловичем Светлицким. В отличие от деда, он пошел в науку, успел до 1937-го защитить кандидатскую диссертацию по наречиям народностей горного Афганистана, а потом почти на двадцать лет угодил в ГУЛАГ за троцкистскую деятельность – печально памятная 58-ая статья УК РСФСР. Николай Михайлович не сломался, выжил и, более того, глядя на его холеное белое лицо с красивыми очками в золотистой оправе – посмотрите на портрет Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова – Николай Михайлович был его точной копией – трудно было поверить, что этот интеллигент два десятка лет валял лес в сибирской тайге. О лагерных годах Светлицкий за столом не распространялся. Но, узнав, что я поступил на факультет журналистики, однажды долго один на один беседовал со мной за чашкой чая.

– Саша, зачем ты выбрал эту профессию? – вопрошал Николай Михайлович. Услышав традиционный ответ – «Чтобы писать!» – Светлицкий ласково улыбался и предупреждал меня с высоты своего жизненного опыта. – Свободной прессы не бывает. Продажна не только капиталистическая журналистика, но и наша, советская. Ты окончишь университет, пойдешь работать в газету, на телевидение или радио – и твою свободу будут ограничивать – этого начальника нельзя критиковать, а роман этого писателя надо раздолбать к чертовой матери – в то время как раз начались гонения на Солженицына. – Саша, дорогой, ну не ходи ты в журналистику!

Очень скоро я понял правоту слов Светлицкого. Хотя после освобождения из лагеря судьба была благосклонна к Светлицкому во всех отношениях – он стал сначала доцентом, потом, защитив докторскую, профессором того самого восточного факультета ТашГУ, что окончил в конце 1920-х, женился – для многих неожиданно: его жена Клавдия Степановна, врач по специальности, была моложе мужа на двадцать лет. Они познакомились в санатории где-то в Подмосковье, где Светлицкий отдыхал, а Клавдия Степановна волею случая оказалась его лечащим врачом и безумно влюбилась в пациента. Уже позже выяснилось, что Клавдия Степановна – дочка генерала КГБ. Интересная получилась ситуация – дочь чекистского генерала вышла замуж за бывшего политического заключенного. Кстати, вместе они прожили счастливо почти двадцать лет. Николай Михайлович, всегда очень бодрый, не жаловавшийся

на здоровье, шутивший, что Колыма его только закалила, умер в одночасье в конце 1970-х, вернувшись после работы домой, поужинав и сев в кресло читать свежие газеты. «Известия» выпали из его рук. Ни Клавдия Степановна, ни подоспевшая «скорая» ничего не смогли сделать: остановка сердца.

Среди знакомых деда был и замечательный врач, удивительный человек Эммануил Яковлевич Шац. Для тогдашнего Узбекистана доктор Шац был примерно тем, чем для России сейчас является доктор Рошаль. Интересная сама судьба доктора Шаца. Подростком он стал инвалидом – соседский мальчишка из рогатки выбил Эмме левый глаз. Но и с одним правым глазом Шац сумел блестяще окончить школу, поступить в медицинский институт, с третьего курса которого ушел на фронт, где всю войну прошагал в санбатах, постепенно поднимаясь в воинских званиях. Доучивался капитан медслужбы уже после войны. Доктор Шац стал классным педиатром. Его авторитет расширил круг пациентов – у доктора Шаца лечились дети высокопоставленных чиновников партийно-государственной номенклатуры республики. Эммануил Яковлевич стал личным врачом детей первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидова. Доктору Шацу предлагали многие административные посты – вплоть до министра здравоохранения республики. Но от всех высоких административных постов доктор отказывался, проработав большую часть жизни главным врачом обыкновенной районной детской поликлиники в центре Ташкента.

С дедом они познакомились из-за общей любви к литературе. Еще на фронте доктор Шац встретился с Константином Симоновым. Вскоре после войны известный поэт попал в опалу и оказался в Ташкенте фактически в ссылке, но официально – собственным корреспондентом «Правды». Общаться вне работы с опальным поэтом в те годы решались немногие – доктор Шац в их числе. Бывал Симонов и у деда на посиделках, как дед скромно называл свои вечера.

Эммануил Яковлевич, хотя и был детским врачом, но вылечил и деда. После войны у деда обнаружился туберкулез – дед много курил, сказались и голодные военные годы. На фронт деда не взяли, а какая несладкая жизнь была в тылу, сами знаете. Конечно, дед и все родные были в шоке – открытая форма туберкулеза – дело не шуточное. В те годы врачи лечили хорошо и упорно. Дед несколько месяцев провалялся в больнице, потом отдыхал в санатории в Крыму. Болезнь приглушили, но она давала о себе знать, хотя курить дед бросил мгновенно, как только узнал о диагнозе.

Доктор Шац посоветовал своему старшему другу воспользоваться одним народным рецептом.

– Хочешь выздороветь, каждый день перед ужином пей сто граммов водки. Не больше, но и не меньше. Разовьется аппетит, а в профилактике и лечении туберкулеза главное – хорошее питание.

Когда деду поставили диагноз «туберкулез», ему исполнилось 50 лет. Последовав совету доктора Шаца, дед дожил до 83-х, почти до самой смерти употребляя свои «наркомовские», как он любил говорить, сто граммов водки. Бабушка, разделившая тяготы народной медицины вместе с дедом (правда, доза была женской, 50 граммов), пережила деда на восемь лет и скончалась в 1996-м году в возрасте 88 лет.

Доктор Шац, лечил, разумеется и нас с Галиной. Наш дом на Большой Миробадской находился на участке детской поликлиники №1, где главврачом был Эммануил Яковлевич. Конечно, у меня был участковый педиатр, но, всякий раз, когда ситуация с моим здоровьем по мнению матери и деда становилась критической, мать, учившая детей Шаца, звала «самого». Эммануил Яковлевич не отказывался никогда, сам приезжал к нам домой. Успел консультировать доктор Шац и моих детей – уже выйдя на пенсию, Эммануил Яковлевич работал консультантом в Республиканской детской клинической больнице.

Дед с бабушкой прожили вместе 61 год, и только после смерти деда я узнал от бабушки, что целый год из этих шести с лишним десятилетий они жили врозь, более того, были офи-

циально разведены. Балагур и весельчак, писавший знакомым женщинам такие, к примеру, посвящения на книгах: «Ты прекрасна, другого не дано. При взгляде на тебя все члены замирают, кроме одного...», – он, безусловно, нравился женщинам. Когда дед стал крупным начальником в системе железнодорожного образования, он по роду работы часто выезжал в командировки, не только в дальние школы где-то на Богом забытой узловой станции в Кара-Кумах, но и в Москву, в МПС. Там, в столице, у него появилась зазноба. Дед – решительный человек, взял и разошелся с женой, благо сын (мой отец) был уже совершеннолетним, курсантом военного училища, и дело о разводе рассматривалось в ЗАГСе.

Год дед прожил в Москве у своей симпатии, работая в центральном аппарате МПС. Но заела тоска по привычному, десятилетиями складывающемуся образу жизни с «Барабанчиком» – так ласково дет называл бабушку Татьяну Герасимовну, девичья фамилия которой была Барабанчикова. В итоге дед бросил Москву, престижную службу, вторую жену и вернулся в Ташкент. «Свято место» – и на работе, и дома – было пусто.

К Татьяне Герасимовне дед относился нежно, при посторонних не позволял себе повысить на нее голос или одернуть, хотя наедине, по словам бабушки, бывало всякое. Маму мою, свою первую, но далеко не последнюю сноху, дед очень уважал. Хотя и дед, и бабушка, разумеется, как ни как – свекровь, по должности положено, позволяли себе критиковать мать, особенно, когда я уже вырос и сам женился. Нынче, когда их обоих уже давно нет в живых, вспоминая, я понимаю, что дед любил мать больше, чем бабушка. Их роднило не только чувство дедова вины за сына, фактически бросившего мать с двумя детьми – поэтому они и взяли Галину к себе на воспитание, это чувство было присуще и бабушке, хотя она порой в развале семьи обвиняла больше мать – это понятно, для любой матери собственный сын всегда непогрешим. Дед гордился тем, что из-за дружбы с ним мать, еще школьницей, выбрала профессию учительницы, продолжив, таким образом, его дело. Мы с Верой, следовательно, уже третье поколение династии педагогов Трубецких.

Дед заменил мне отца. Это он учил меня пользоваться бритвой, когда я вырос, в седьмом классе подарил первые в моей жизни часы, когда я начал работать над своим почерком, чтобы сделать его более понятным для учителей, дед подарил мне писк тогдашней моды – китайскую авторучку с золотым пером, предмет зависти моих одноклассников – она стоила баснословно дорого по тем временам – целых 6 рублей! Дед учил меня поведению в трудных обстоятельствах, а, самое главное, честности в любой ситуации. Каюсь, я не всегда выдерживаю его жесткие требования к честности и по сей день.

Навсегда врезались в память чаепития у деда. После того, как они с бабушкой получили благоустроенную квартиру на Спортивной улице, я каждое воскресенье утром стал приходить к ним купаться – у нас-то удобств не было! Дед согревал к моему приходу газовую колонку – старинную, этакий бак с водой, внизу которого располагалась горелка. Я мылся, а потом оставался у деда пить чай и обедать. Удивительно, но факт: дед, до тонкостей знавший особенности чайной церемонии (в ее мусульманской, а не китайской или японской) трактовке, предписывающей употребление чая небольшими дозами из пиалушек – главный принцип при разливе чая в пиалушки: чем сильнее ты уважаешь гостя, тем меньше чая ему наливаешь! – в отсутствие гостей местной национальности предпочитал огромные полулитровые бокалы. Был и для меня персональный бокал одной конфигурации с дедовским – с тех пор в нашей семье в повседневной жизни используются только бокалы, самый большой, разумеется, у меня. Неизменным из чайной церемонии оставалось только правило: чай должен быть заварен сиюминутно. Дед предпочитал бросать на дно своего громадного бокала чайную ложку сухой заварки, наливал крутой кипяток и пил, обжигаясь – такая же привычка пить чай или кофе огненными осталась и у меня.

Заменяя мне отца, дед научил меня пить не только чай и кофе, но и спиртные напитки тоже. В его семье не жаловали вино и пиво, хотя по праздникам эти напитки появлялись

на столе. В основном дед пил водку и коньяк. В детстве меня поили кагором для укрепления иммунитета организма. В классе шестом пошли и другие красные вина. А когда мне исполнилось 14 лет, дед, воспользовавшись отсутствием бабушки и сестры – Гала с бабушкой уехала в Каган, к родственникам, а мама легла на очередное обследование в больницу, вот я и жил у деда, – решил научить меня готовить плов. Делал он это неоднократно, постепенно объясняя мне все этапы приготовления этого главного блюда восточной кухни. В тот день я фактически сдавал деду экзамен, готовив плов сам от начала до конца.

Плов, по мнению деда-знатока, получился отменным (возможно, он просто хотел поощрить меня?). Открыв к плову банку овощного салата, приготовленную бабулей осенью – а дело было в декабре, дед, хитро подмигнув мне, достал из холодильника запотевший графинчик с водкой, поставил свой обычный стограммовый стаканчик, а мне – облегченный женский вариант – 50-граммовую рюмку. Поскольку женщин не было, в этот процесс никто не вмешался. Мы выпили – сначала за плов, потом за здоровье, потом – за хорошую учебу. Дед на второй и третий гост себе и мне наливал уже по половинке, поэтому он в общей сложности выпил 200 граммов, а я – 100. Помню только, как «вырубился» минут через двадцать после третьей рюмки и проспал до утра, благо следующий день был воскресенье. Дед отнес меня на постель, раздел и укрыл.

Сейчас я считаю, что дед был абсолютно прав, научив меня пить именно в таком возрасте. Не умею я этого делать, не узнаю своей нормы, больше которой пить нельзя категорически, мне бы пришлось гораздо труднее в наступающей взрослой жизни. Но запахом детства, символом дедова дома стал, слава Богу, не водочный перегар, а необыкновенный вкус газированной воды из его холодильника. В жарком ташкентском климате мы с весны до поздней осени утоляли жажду газированной водой на улицах, а в дома брали ташкентскую минеральную воду – как сейчас помню, она стоила 17 копеек за пол-литровую стеклянную бутылку, причем тара стоила 12 копеек, а сама вода – 5. Сейчас, когда минералка в пластиковых бутылках продается и зимой и летом на каждом углу, трудно себе представить, что в советские времена минералка могла быть дефицитом. Ее продавали «из-под полы», по знакомству. Но потом в моду вошли сифоны с баллончиками с углекислым газом. В сифоны заливали воду из-под крана – в ташкентском водопроводе текла вода из горных речек, заряжали баллончик, ставили в холодильник – и пей, сколько хочешь. Как я любил в детстве прийти к деду, подставить под носик сифона, вынутого из холодильника, свой бокал, нажать на рычажок, почувствовать в прямом смысле на своем носу эти опьяняющие пузырьки углекислого газа и пить эту волшебную, пахнущую моим детством, воду мелкими глотками, чтобы горло не заболело от холодного. Запах моего детства – он до сих пор со мной...

Могилы деда и моего старшего сына Игоря, его, следовательно, правнука, всего в нескольких шагах друг от друга на ташкентском европейском кладбище №2 рядом с ипподромом.

Глава вторая. Дни, которые потрясли мир

День первый

Из дневника профессора А. Н. Трубецкого.

11 сентября 2006 г. Приволжск

Утром Галин водитель привез с собой Надежду Васильевну Сафронову, она работала заведующей районной методической службой в отделе образования у сестры. Пересев уже в мою машину, она повезла меня к 1-ой школе Приволжска, где должен был проходить трехдневный семинар учителей истории.

Школа стояла почти у самого берега Волги. Меня поразили клумбы с пестрым ковром полевых цветов, разбитые вокруг всего фасада школы. Поднялись на третий этаж в кабинет истории, где уже сидели три десятка учителей со всего района. Четверо мужчин и двадцать семь женщин. Пока я оглядывал аудиторию, Надежда Васильевна представила меня:

– Уважаемые коллеги! Вы знаете, что волею трагических семейных обстоятельств в нашем городе оказался известный российский историк, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания истории и обществознания ФАПК – Федеральной Академии повышения квалификации работников образования, автор многих учебников по истории России и многочисленных методических пособий для учителей Александр Николаевич Трубецкой. Александр Николаевич любезно согласился провести для вас трехдневный семинар, и я с большим удовольствием предоставляю ему слово.

Я поднялся из-за стола, поблагодарил хозяйку и приступил к работе.

– Уважаемые коллеги! Темой нашего общения будут современные подходы к дискуссионным вопросам отечественной и всеобщей истории. За три дня мы должны будем сделать обзор событий от миллионов лет от нашей эры до сегодняшнего дня. Работать я привык в активном режиме, задавать вопросы можете по ходу лекции, иначе к концу можете позабыть, что хотели сказать раньше. По организационным вопросам. Сейчас у большинства из нас есть мобильные телефоны. Я не требую отключать их, но лучше перевести их на вибровозвонки. Если телефон сработает, можете сразу без всякого разрешения выйти из аудитории и спокойно переговорить в коридоре. Это нормально. Работать будем до часу дня с одним перерывом на двадцать минут около 11 часов. Начнем?

Лекции профессора А. Н. Трубецкого. Лекция первая

Первая проблема, с которой мы с вами сталкиваемся при изучении всеобщей истории, да и обществознания в старших классах – это проблема возникновения жизни на нашей планете и появления человека разумного. Традиционно мы объясняли эти вещи довольно просто. Атмосфера планеты на ранних стадиях ее развития была полна электричества, грозы шли почти непрерывно, и однажды от удара молнии образовались первые органические молекулы, из которых произошли простейшие микроорганизмы. Начался бесконечный процесс эволюции, вершиной которого стал человек.

Но коллеги-биологи утверждают, что шанс появления жизни на нашей планете таким естественным путем был ничтожно мал. Насколько мал, можно представить по такому образному сравнению. Представьте, что над свалкой крупного мегаполиса, Нью-Йорка или Лос-Анджелеса, Москвы или Шанхая проносится сильнейший ураган типа недавнего «Катрин». Когда ветер стихнет, то из мусора, выброшенного на свалку, усилием ветра будет собран новехонький авиалайнер «Боинг-787». Мы прекрасно понимаем, что такое невозможно.

Но если это невозможно, то, как возникла жизнь? Серьезные ученые считают, что органическая форма жизни на Землю была занесена из космоса. Это доказывают многочисленные открытия метеоритов, имеющих органические включения. Но возникает вопрос: жизнь занесли из космоса, но человек разумный – все же результат эволюции? Теория Дарвина, созданная в позапрошлом веке, была современна лишь на момент создания. Появление генетики ее опровергло. Английские генетики, исследовав кровь тысячи добровольцев – представителей трех рас и более ста основных народов нашей планеты, пришли к удивительному выводу: библейский сюжет имел место в действительности, примерно двести тысяч лет назад жила пра-матерь, названная англичанами, естественно, Евой. От этой праматери и произошло все современное человечество.

Почему это сенсационное открытие сделали именно английские ученые? Великобритания – единственная из развитых стран, законы которой позволяют генетикам клонировать человеческий зародыш. Правда, только до двухнедельного возраста, после чего ученые обязаны уничтожить эмбрион. Но и этого срока вполне достаточно для многих сенсационных открытий. Еще одна проблема. Долгое время считалось, что прямым предком человека разумного должен быть неандерталец. Но мы то с вами знаем, что эта ветвь человекообразных обезьян совершенно неожиданно вымерла и мы с вами прямые потомки кроманьонцев. Но в начале этого века испанские археологи нашли в горах несколько стоянок первобытного человека. На территории бывшего СССР такая стоянка есть в Узбекистане, знаменитая пещера Тешик-Таш. Помните, там нашли скелет первобытного мальчика и кости животных в углу. Так и испанские археологи нашли скелеты древних людей и разбросанные по углам кости. На идентификацию весь собранный материал испанцы отдали английским генетикам как наиболее авторитетным специалистам в мире – вы, должно быть, помните, они помогали России с экспертизой найденных останков расстрелянных Романовых. Так вот, английские генетики сделали сенсационное открытие: кроманьонцы, жившие в найденных пещерах, употребляли в пищу... неандертальцев, кости которых были разбросаны по углам пещер. Выражаясь современным политическим языком, кроманьонцы осуществляли геноцид неандертальцев. Но англичане не поленились и сравнили гены современных людей с найденными в пещерах Испании костями и доказали, что не всех неандертальцев кроманьонцы сжирали. Самых красивых, вероятно, использовали с другой целью и мы с вами на десять процентов, но все же являемся потомками и неандертальцев...

Из дневника профессора А. А. Трубецкого

11 сентября 2006 г. Понедельник.

Начиная работать, я обычно внимательно оглядывал аудиторию, поочередно останавливаясь на лицах присутствующих. Вспоминается мысль Леонида Ржевского, одного из писателей Русского Зарубежья, высказанная им в романе «Две строчки времени»:

«Как почти каждый лектор, в россыпи глаз перед собой я отбирал те, с которыми складывался лучший контакт. Эти глаза помещались обычно в самых первых рядах, были пристальные, и возникало в них, зримо для вас, словно бы эхо ваших слов – то сосредоточенность, то сочувствие, то искорки смеха, и струилось тепло. Они, эти глаза, не откатывались со звонком в сторону, но задерживались на вас и тогда, когда вы совали уже в портфель свои конспекты и выписки».

В учительских аудиториях, на девяносто с лишним процентов состоящих из женщин я, безусловно, останавливался на женских глазах. Вот и сегодня я сразу же заметил «эти глаза напротив». Их владелице было лет под тридцать или чуть больше того. Миловидная худенькая блондинка с третьего стола первого слева от меня ряда реагировала на мои слова живейшей мимикой, вплоть до попытки поаплодировать в некоторые моменты. Конечно, я не засматривался на эту блондинку безотрывно, но, обведя для порядка всю аудиторию взглядом, вновь и вновь возвращался к ее глазам. Вспомнился армейский анекдот. Жена офицера спрашивает мужа: «Дорогой, почему ты на мне женился?» «Ты так стреляла в меня глазами, что мне сразу же захотелось подавить эту огневую точку». Нет, моя блондинка не стреляла в меня глазами, но не отводила их, когда наши взгляды встречались. Что я увидел в первый день в ее глазах? Восхищение? Его не было. Удивление? Нет, скорее всего, сопереживание. Вполне возможно. Она как бы соотносила мои слова со своим видением обсуждаемой проблемы и улыбалась, если наши взгляды совпадали или возмущенно сдвигала брови, если не соглашалась со мной. И еще. В ее глазах было Нечто, заставлявшее меня задуматься: что за тайна кроется на их дне?

Продолжение лекции профессора А. Н. Трубецкого

В древней истории человечества много белых пятен. Вы помните классическую работу Фридриха Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и брака». В ней один из классиков марксизма доказал, что труд создал человека. Но генетики утверждают: сначала должна была появиться особь, способная взять в руки палку или камень. Но, если не труд создал человека, тогда что? Суперсовременная точка зрения на этот вопрос ошеломительная: человека разумного создала эволюция брачно-семейных отношений. Когда наши предки вели стадный образ жизни и в ходу были беспорядочные половые связи, воспитанием детенышей занималось все стадо. Тоже самое наблюдалось и на стадии полигамных браков. Но уже тогда, доказывают ученые, у наших предков были сексуальные предпочтения, зачатки любви. Когда же возникли моногамные браки, устойчивые пары, то непосредственной заботой родителей стало воспитание потомства. Перед нашими далекими предками возникли вопросы, вполне нам понятные: чем накормить детей, во что их одеть (шкуры от Версачи!), чему и как научить. От таких проблем голова начала болеть, в мозгу появлялись извилины.

Еще одна проблема. Родина первобытного человека. Традиционно мы с вами объясняем нашим детям, что родиной человечества является северо-восточная Африка. Теперь к этому району прибавился и район пустыни Гоби на границе современных Китая и Монголии. Когда геологи сравнили структуру полезных ископаемых, имеющихся в тех районах, то пришли к выводу, что и в Африке, и в Китае в районах возникновения человечества огромные запасы урановых руд. Человекообразные обезьяны селились в зонах повышенной радиации. Так что если мы с вами не результат эксперимента какой-то внеземной цивилизации, то результат мутации.

Короткий исторический анекдот по этому вопросу. Крупнейший российский нефтяной магнат, занимающий по итогам 2005 года одиннадцатую строчку в мировом рейтинге самых богатых людей планеты, Роман Аркадьевич Абрамович, помимо английского клуба «Челси» вкладывает деньги и в развитие отечественной науки. На его деньги каждое лето в короткий на Чукотке летний полевой сезон работает археологическая экспедиция Института российской истории РАН. Перед археологами поставлена вполне конкретная задача: доказать, что Чукотка – одна из прародин древнего человека. Не сомневаюсь, что археологи докажут. За такие деньги можно доказать все, что угодно.

В преимущественно женской аудитории мне хочется огорчить милых дам: никакого матриархата в истории человечества не было. Но, к чести древних мужчин, уважение к женщине прослеживается уже на стадии первобытно-общинного строя. Как мы с вами раньше объясняли отношения собственности в первобытном обществе? Все люди были равны (имел место даже термин «первобытно-общинный коммунизм»), вождь распределял поровну всю добычу. Но новейшие открытия археологов убеждают: ни о каком равенстве в ту далекую эпоху и речи не могло быть. Как распределялась добыча вождем? Мы помним иллюстрацию еще в наших с вами советских школьных учебниках истории Древнего мира – первобытные люди загнали бедного мамонта в яму-ловушку. На самом деле такая огромная добыча редко доставалась нашим предкам. Основу их питания составляли все же более мелкие животные. Охотники, принесшие тушу убитого зверя в племя, получали лучшие куски. Вслед за охотниками следующие куски получали беременные женщины и кормящие матери, потом остальные мужчины, затем остальные женщины и последними кормились дети.

Но человечество не стояло на месте и, наконец, вступило на путь цивилизационного развития. Обратили ли вы внимание на тот факт, что последние три года из Федерального списка допущенных и рекомендованных министерством образования и науки к использованию в школах страны исчез учебник «История мировых цивилизаций». Он остался теперь только в виде

элективного курса для изучения на профильном уровне. В чем тут секрет? Наш главный специалист по цивилизациям, академик РАН, директор Института мировой истории РАН А. О. Багдасарян, отвечая на вопрос, почему цивилизационный подход к изучению истории перестал быть главным, спросил неожиданно у участников Всероссийской научно-практической конференции по вопросам преподавания истории: а что такое цивилизация? Вас в зале 62 человека, я уверен, заявил академик, что получу 62 совершенно разных определения термина «цивилизация». А раз нет однозначного ответа, имеет место плюрализм подходов к изучению истории.

Итак, одной из дискуссионных на сегодняшний день является проблема неолитической революции. Наше традиционное освещение этого явления – переход от присваивающего хозяйства к производящему, от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, усовершенствование орудий труда. Эти положения остаются незыблемыми. Но к ним добавляется культурологическая составляющая неолитической революции. Главным в ней, на сегодняшний день, становится изобретение письменности и появление городов. Письменность дала возможность хранить и передавать без значительных погрешностей информацию, появление письменности породило и появление грамотных людей. Наша с вами учительская профессия родилась с изобретением письменности. Напоминаю, что долгие столетия учителя были рабами. Если сказать честно, то и сегодня существование основной массы российских учителей за нищенскую зарплату напоминает интеллектуальное рабство.

С какими современными для нас процессами сравнивают неолитическую революцию? Метод исторических аналогий ныне чрезвычайно популярен в исторической науке. Вот почему в ходе наших лекций мы неоднократно будем сравнивать казалось бы несравнимые явления в историческом процессе. Культурологическую составляющую неолитической революции сравнивают с информационной революцией конца XX – начала XXI века. Подумайте только. Многие тысячелетия менялись лишь материалы, на который наносились письменные знаки, и орудия, при помощи которых записывались тексты – будь то Законы Хаммурапи, высеченные на гранитном столбе или «Евгений Онегин» Пушкина, написанный гусиным пером на бумаге. Даже изобретение печатного станка или печатной машинки нельзя назвать революционным – классическое академическое издание полного собрания сочинений Льва Толстого содержит 93 тома. Это две-три полки книжного шкафа. Не каждая семья нынче может позволить себе приобрести такую дорогостоящую покупку – один том обойдется не менее 200—300 рублей, а то и больше. Между тем в цифровом варианте эти два тома займут максимум 2—3 CD диска или один DVD. Я не говорю уже о том, что лицензионное издание такого собрания сочинений сопровождается отличной поисковой системой, позволяющей быстро отыскать нужное произведение или даже нужную цитату из того же Л. Н. Толстого, например, эпизод «Первый бал Наташи Ростовской» это «Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XVI, XVII. Революция свершилась на наших глазах.

Еще одна проблема, выросшая из истории Древнего мира – это проблема рабства. Наше традиционное объяснение этой проблемы, почерпнутое из еще советских учебников истории. Рабы – беднейшие люди, угнетенные и забитые, из одежды носящие только набедренные повязки, изнывающие или под ударами надсмотрщиков на плантациях или преследуемые похотливыми хозяевами на кухнях. Но вот вам только два исторических примера, взятых из реальной жизни. Когда Октавиан Август 16 января 27 года до нашей эры стал первым римским императором, он с ужасом обнаружил, что имперская казна пуста. Занять денег у Всемирно банка или Валютного фонда Август не мог – их попросту еще не было. Конечно, можно было быстро наполнить казну путем введения драконовских налогов. Но тогда бы власть потеряла свой авторитет. Октавиан нашел выход – внутренние займы. Он занял деньги в долг у Мecenата и его друзей. Напомню, Мecenат Гай Цильний – один из ближайших друзей Октавиана, одно время фактически человек номер 2 в государстве, которого император оставлял

вместо себя «на хозяйстве» во время своего отсутствия в Риме. Один из богатейших людей Римской империи был рабом.

Второй же факт относится к 1492 г. Сентябрь, чуть ли не 11 число. Христофор Колумб открывает Америку. Но 17% населения Португалии, одной из крупнейших морских держав Европы того времени, составляют рабы. И это не история Древнего мира, а начало Новой истории! Мы справедливо гордились тем, что царь-Освободитель Александр II за четыре года до американцев отменил фактическое рабство – крепостное право в нашей стране. Но проблема рабства, к сожалению, не исчезла в 1888 году, когда в Бразилии, крупнейшей из стран Латинской Америки, отменили рабство, а последняя рабыня Иззаура стала героиней многочисленных мыльных опер конца XX века. Рабство дошло и до начала века XXI-го. Рабы есть в нашей стране – в Чечне, Ингушетии, Дагестане, а Россия в целом ежегодно оспаривает с Украиной печальное первое место в мире по числу женщин, поставляемых на невольничьи рынки Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки.

Еще одной проблемой, пришедшей из глубины веков, стала проблема империй. Мы раньше с вами объясняли нашим школьникам, что любая империя держалась только на силе оружия, каким бы оно не было – луки, стрелы или колесницы, если мы говорим о Римской империи, или ракеты СС-20 «Сатана», если мы говорим о Советском Союзе. Но историки, предметно изучающие Древний Рим, подсчитали количество легионеров на момент расцвета империи. Выяснилось, что легионеров не хватало даже на то, чтобы выставить пост из трех воинов во все населенные пункты. Следовательно, Римская империя не могла держаться исключительно на силе оружия. Что еще объединяло государство? Правильно, экономика. Но практически все провинции Римской империи чеканили свои монеты. Следовательно, не могло быть и речи о едином общеримском рынке товара и услуг. Но, если не оружие и экономика, то что могут объединять империи? Правильно, культура – религия, язык, письменность. Да, до принятия христианства в качестве официальной религии в Римской империи было многобожие. Но Юпитер был Юпитером во всех частях империи.

Следовательно, на сегодня идет речь о цивилизационном значении империй. Империя Александра Македонского – это расцвет эллинизма. На копьях и мечах Македонский принес в завоеванные страны библиотеки и музеи, гимназии и стадионы, театры. Если мы посмотрим с вами на примере Российской империи и Советского Союза – народы Крайнего Севера вообще не имели своей письменности до вхождения в состав России, а народы Средней Азии, хоть и имели письменность, но арабскую, довольно трудную для восприятия широкими массами. Время нахождения в составе России, а затем и Советского Союза для народов этих территорий – это время становления национальных культур. Почти два десятилетия самостоятельного существования республик Средней Азии, Казахстана убедили их в необходимости интеграции с Россией, сохранении единого культурного пространства.

Помните: не надо воспринимать буквально: раз империя, это обязательно монархия во главе с императором, царем, фараоном, шахом или Бог его знает еще с кем. Соединенные Штаты Америки – республика по форме правления. Но кто мне скажет, что США не империя? Любой квадратный сантиметр поверхности Земного шара, под которым есть нефть, США могут объявить зоной своих стратегических интересов и заняться строительством демократии по американскому пути, как это имело место в Афганистане и Ираке. Вот почему американцы так болезненно реагируют на возрождение былой военной мощи России, появления наших авиационных баз в Центральной Азии, сохранении базы в Армении.

Мы сегодня с вами уже упоминали дату – 1492 год, открытие Колумбом Америки. Эта дата конца средневековья и начала Нового времени. Но остановимся на Средневековье. По традиции его хронологические рамки остались прежними – с 476 года, даты распада Западной Римской империи. Но ученые предостерегают учителей, вас, историков-практиков. Не надо думать, что в действительности все было так резко: проснулись римляне в 476-м году

и поняли – древняя история закончилась, и началось Средневековье. Нет, ничего резкого в природе не было. Более того, кризис античности в Западной Римской империи начался не со вторжением варваров с севера, а за три века до того как, с момента утверждения христианства в качестве официальной религии государства. Мы с вами всегда говорили о положительной роли христианства, в частности, в нашей стране. Но принятие христианства в Риме сопровождалось уничтожением храмов языческих богов, запрещением Олимпийских игр, кризисом античной культуры и знаний в целом.

Обратите внимание, как взаимосвязана мировая история уже в те далекие годы. Во II веке нашей эры на территории современного Китая из-за межплеменной розни одно из племен – гунны – становятся изгоями в своем отечестве и вынуждены покинуть родные пределы. Моисей водил израильтян по пустыне 40 лет. Гунны шли до Европы несколько столетий. Они перевалили крупнейшие горные массивы Центральной Азии, прошли по Средней Азии, с севера и юга обошли Каспий, прошли через Поволжье, Восточно-Европейскую равнину и осели на севере Европы. Но сезонные колебания климата, резкое похолодание в Северной Европе заставили гуннов спуститься ближе к югу. Так они оказались в пределах Римской империи. Вот как вражда племен за многие тысячи километров от Центральной Европы привела к необратимым изменениям в мировой истории.

Теперь поговорим о средневековье в целом. Стереотипные подходы, выработанные за долгие десятилетия советской историографией, невольно остались и у нас сегодня. По нашему представлению Средневековье – нечто мрачное. В учебниках для 6 класса некоторых авторов есть такие определения – «темные века». И некому в голову не приходит назвать мрачной античность. По нашему убеждению, древние греки и римляне были веселыми людьми, пьющими вместо воды виноградное вино, проводящими время в занятиях спортом, театральных постановках, пропадающих на жарких спорах философов. Разве что у римлян зрелища были чуточку грубее – бои гладиаторов. А Средневековье ассоциируется с кострами инквизиции, на которых за тысячу лет одних бедных женщин сожгли. По некоторым источникам, 40 тысяч человек – общее же число жертв инквизиции за эти десять веков составило около 150 тысяч человек. Но если так внимательно вдуматься в эти цифры. 150 тысяч за 10 веков, по 15 тысяч в среднем за сто лет или по 150 человек ежегодно. То есть, на всю Европу казнили всего 150 человек в год. Это не так уж много. Вместе с тем прекрасные храмы в честь Зевса, Афины и других греческих богов были обогреты кровью красивейших девушки Греции и сильнейших юношей, принесенных в жертву богам. И эти юноши и девушки спокойно воспринимали смерть. Они были счастливы, что боги выбрали именно их, а не кого-то другого. Вот где кроются корни современных камикадзе или шахидов.

И еще по средневековью. Мы с вами прекрасно помним, что античность дала современному миру практически основы искусства, спорт, философию, историю, медицину, но мы забываем, что многое человечество сегодняшнее получило из Средневековья. Несколько лет тому назад по телевидению шли рекламные ролики банка «Империал». Помните: «В 1861 г. в России отменили крепостное право. В это время в Лондоне была пущена в эксплуатацию первая линия метрополитена». Самое удивительное, что реклама не лгала. Подземка в Лондоне появилась аккурат в 1861 году. В XIII веке Россия стонала под ударами кочевников с Востока и рыцарей с Запада, а в это же самое время в Европе открывались первые университеты. Каждому, как говорится, свое.

Средневековье в Европе – это еще и время зарождения государства Российского. И здесь мы с вами неизбежно вынуждены обратиться к истории нашей Родины, которая является частью общемировой истории. Всем известна хрестоматийная дата – 862 г., приход Рюрика в Новгород. Но появление Рюрика и его мифологических братьев по-новому осмысливается сегодня. Во-первых, в Калининграде – нашем самом западном анклав, в начале нынешнего века состоялась научно-практическая конференция, на которой группа российских историков

вполне серьезно рассуждала о происхождении Рюрика. Доказано, что матерью Рюрика была славянка и лишь отцом – варяг. Следовательно, приход Рюрика в Новгород можно с современных позиций трактовать как возвращение блудного сына на историческую родину своей матери. Дальше. Калининградские ученые пришли к выводу, что Рюрик родился на территории бывшей Восточной Пруссии, теперь Калининградской области России. Как говорится, наш человек. С тем же самым успехом нашим соотечественником можно объявить и известнейшего немецкого философа Канта, родившегося в Кенигсберге – памятник ему сохранился в центре Калининграда. Исторические параллели можно проводить бесконечно – Ленин знал, философию кого из немцев брать в качестве одного из источников марксизма – помните, три источника и три составные части марксизма?

Но Бог с ним, с Рюриком. Не приди Рюрик весьма вовремя в Новгород, не было бы просто династии Рюриковичей, а была бы династия Вадимовичей – помните, мятежного главу новгородцев звали Вадимом? Нас сегодня тревожит другая проблема. После распада СССР в братских некогда союзных республиках и бывших странах социалистического лагеря поменялись акценты в исторической науке. Президента Путина в Улан-Баторе монгольские лидеры принимают в мраморной юрте Чингиз-хана – он теперь национальный герой Монголии. В центре Ташкента, в бывшем Сквере Революции, вместо скромного бюста Карла Маркса поставлена огромная, в духе Зураба Церетели, скульптура Тимура Тамерлана, весьма напоминающая издали Петра Первого на коне работы Фальконе – тот же пафос, те же три точки опоры. Тимуром Тамерланом обязаны гордиться все граждане Узбекистана – он и чингизидов бил, и Москву захватывал.

Но Ташкент и Улан-Батор – Восток, который, как вы помните, «дело тонкое». Но вот когда в украинских школах в учебниках истории пишут, что сначала государство было образовано в Киеве (Киев – отец городов русских), а уж потом украинцы научили москалей государственности – это уже глумление над совместной отечественной историей. Наш вполне дееспособный президент уже вскоре после своего первого избрания, летом 2000 года собрал на Байкале ведущих историков страны и задал им «вопросы на засыпку»: почему мы говорим «Киевская Русь» а не новгородская? Ведь Рюрик пришел поначалу в Новгород, а уж потом через двадцать лет его не то дальний родственник, не то ближний боярин Олег завоевал Киев и по соображениям лучших природно-климатических условий перенес столицу государства в более южный и теплый Киев.

Историки подумали и выполнили заказ президента: ни в одном из учебников, вышедшем в свет после 2002 г. вы не встретите словосочетание «Киевская Русь». Всюду политкорректное выражение «Древняя Русь».

Много вопросов и по принятию христианства на Руси. Проблема 988 года неоднозначно оценивается современными историками. Так, один из ведущих специалистов, член-корреспондент РАН, директор ИРИ – Института российской истории РАН А. Н. Сахаров на одной из научно-практических конференций высказал просто крамольную мысль о том, приняв в 988 г. восточную ветвь христианства, Владимир Святой начал строительство «железного занавеса», который незримо отгородил Русь от всей остальной Европы, Европы католической. И тому много доказательств. Когда в начале нынешнего века в Риме умирал папа Римский Иоанн Павел Второй, за его последними минутами с замиранием сердца следило более одного миллиарда католиков по всему Земному шару. И только в 11 странах православие имеет многочисленных сторонников. Прими Владимир Первый западную ветвь христианства – наша страна интегрировала бы в Европу значительно раньше и безболезненней. Но многие ученые и публицисты критикуют Владимира за то, что он прошел мимо ислама. Прими Владимир ислам – Россия сегодня была бы одной из крупнейших исламских стран. Да, у нас не было бы столь бурного расцвета живописи, скульптуры, по другому пути пошли бы архитектура, музыка, литература.

Но Россия избежала бы демографического кризиса, в который попала сегодня и диктовала бы свои условия Западному миру.

Новые оттенки наметились и в современной характеристике личности Ярослава Мудрого. Мы с вами привыкли освещать его ум, прозорливость, умение строить мирные отношения с соседями, подкрепляя их династическими браками. Но оказывается, что Ярослав Мудрый и Петр Первый – единственные руководители нашего государства, подкреплявшие свои реформы финансами. И Ярослав, и Петр круто спрашивали со своих подчиненных за перерасход государственного бюджета. Скупой и хромой Ярослав (он повредил ногу в детстве, обучаясь верховой езде) своей скрупулезностью (до последней гривны!) обеспечивал финансовую составляющую расцвета Древней Руси.

Еще одна проблема отечественной истории – это проблема XIII века, самого страшного и тяжелого из всего средневековья для нашей страны. Я имею в виду взгляд на эту проблему Анатолия Тимофеевича Фоменко, академика РАН, заведующего одной из математических кафедр МГУ им. М. В. Ломоносова. Кратко точка зрения А. Т. Фоменко на отечественную историю XIII века выглядит следующим образом: «1. Никакие „монголы“ не приходили на Русь из своих степей. 2. Татары представляют собой не пришельцев, а жителей Заволжья, обитавших по соседству с русскими задолго до пресловутого „нашествия“. 3. То, что принято называть татаро-монгольским нашествием, на самом деле было борьбой потомков князя Всеволода Большое Гнездо (сына Ярослава и внука Александра) со своими соперниками-князьями за единоличную власть над Русью. Соответственно, под именами Чингисхана и Батые как раз и выступают Ярослав с Александром Невским. 4. Мамай и Ахмат были не налетчиками-пришельцами, а знатными вельможами, согласно династическим связям русско-татарских родов имевшими права на великое княжение. Соответственно, „Мамаево побоище“ и „стояние на Угре“ – эпизоды не борьбы с иноземными агрессорами, а очередной гражданской войны на Руси. Чтобы доказать истинность всего вышперечисленного, утверждают А. Т. Фоменко и его последователи, нет нужды ставить с ног на голову имеющиеся у нас на сегодняшний день исторические источники. Достаточно перечитать многие русские летописи и труды ранних историков вдумчиво. Отсеять откровенно сказочные моменты и сделать логические выводы вместо того, чтобы бездумно принимать на веру официальную теорию, чья весомость заключается главным образом не в доказательности, а в том, что „классическая теория“ просто-напросто устоялась за долгие века». Вот так, не более и не менее.

Причиной появления подобных антиисторических опусов является очень малое количество письменных источников по отечественной истории. Вдумайтесь в такую цифру: за огромный пласт времени с 862 по 1812 год – это почти тысяча лет – в распоряжении историков всего 1500 письменных источников, в то время как у наших западных коллег полторы тысячи источников приходят чуть ли не на каждое десятилетие. И второй момент. Серьезные ученые из Института российской истории РАН, конечно же, отвечают своим оппонентам—математикам. Но их ответы печатают профессиональные журналы, выходящие крайне малым тиражом. В то же время произведения А. Т. Фоменко и его соратников публикуются миллионными тиражами. Они пользуются спросом у неискушенных читателей, следовательно, приносят колоссальные прибыли издателям.

Так было ли иго на самом деле? Конечно, было. Но обратите внимание на изменение самого термина. В современных учебниках вы не встретите привычных словосочетаний «монголо-татарское нашествие» или «монголо-татарское иго». Применяются более политкорректные «монгольское нашествие» и «ордынское иго». Истоки такой политкорректности ясны. По результатам всероссийской переписи населения 2002 г. второй по величине нацией в стране являются татары. Конечно, мы с вами прекрасно понимаем, что не нынешние татары огнем и мечом шли на Русь восемь с лишним столетий тому назад. Но во имя поддержания межнационального спокойствия в стране, которое готовы расшатать по любому поводу экстремистские

элементы, мы вынуждены применять в учебниках подобные формулировки. Обратите внимание на такой аспект. Раньше историки полагали, что императорская система власти заимствована нашей страной целиком и полностью из Византии. Сейчас господствующей стала версия о синтезе византийского и ордынского наследия. Помните, еще Блок говорил, что «азиаты мы с раскосыми очами». Современные историки считают, что русские князья, отправляясь в Сарай-Берке или непосредственно в Каракорум за ярлыком на княжество, проходили как бы курсы повышения квалификации у своих ордынских покровителей. В настоящее время не идет речь об иге в его каноническом понимании, а о вассальной зависимости Руси от Золотой Орды.

Другой интересный момент. Все мы со школьной скамьи помним две классические даты. 1380-й год – битва на поле Куликовом и 1480-й год – стояние на Угре, фактически обозначившее окончание ордынского ига. Но история порой преподносит удивительные сюрпризы. Страна-то наша огромна и по-прежнему уверенно занимает первое место в мире по территории даже после распада СССР, просто вместо привычных «одна шестая часть суши» приходится говорить «одна седьмая часть суши». Так вот, в состав нынешней России входит и остров Сахалин. В 1280-м году его коренные жители – племя айнов – сбросили иго монгольских завоевателей. Вполне корректно говорить о волне сопротивления народов нашей страны захватчикам, которая в течение ста лет дошла от Дальнего Востока до европейской части страны, а еще через 100 лет, окрепнув, окончательно позволило сбросить иго.

Мы упомянули 1480-й год. Окончание ордынского ига в нашей стране связано с именем Ивана III. Все вроде бы известно про этого великого князя, много сделавшего для страны. Современное название государства – Россия – вместо привычного Русь – родилось в правление Ивана III, двуглавый орел на гербе «прилетел» в страну именно при этом князе. Первая по сути оформленная национальная идея – «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать» – это опять-таки Иван III. Но вот характерная деталь. Мы все привыкли к тому, что первым императором всея Руси считается Петр Великий. Между тем современник Ивана III австрийский император Максимилиан I в письмах к великому князю всея Руси называл его никак иначе, как «Брат ты мой, император...». Был и второй правитель России, называвший уже себя сам императором, кто это, я скажу несколько позже, – таким образом, Петр Великий формально считается первым, но фактически – третьим императором нашей страны.

Конечно, много вопросов вызывает личность внука Ивана III – знаменитого Ивана IV Грозного. Здесь дело не только в его характере, склонностях – нашему известному толкователю истории чемпиону мира по шахматам по одной из версий господину Гарри Каспарову впору бы защитить диссертацию на тему «Иван Грозный как выдающийся шахматист своего времени». Речь идет об оценке самого спорного периода правления Грозного – его опричнины. Советские учебники истории трактовали этот период крайне негативно. Сейчас же речь идет о борьбе государя за укрепление самодержавия, а общее число жертв опричнины – около 20 тысяч человек – является чуть ли не минимальным по сравнению с жертвами других российских реформаторов. Кстати, историки проанализировали все великие реформы в нашей стране – от опричнины Ивана Грозного, реформ Петра Великого, Александра Второго, Петра Столыпина, Ленина и Сталина и пришли к неутешительному выводу – крутые реформы в нашей стране мирным путем не проведешь. По сравнению с числом жертв сталинских репрессий Иван Грозный выглядит вполне мирно.

Трагедия Ивана Грозного заключалась не только в его характере, но и в огромной отсталости власти российской от своих западных коллег по части законодательной базы: в России просто не было законов, прописывающих процедуру наследия царского престола в случае смерти бездетного государя. Оно и понятно – Иван Грозный был первым царем всея Руси, несмотря на несчастья, преследующие Ивана всю жизнь – гибель в младенчестве сына Дмитрия, фактическое убийство сына Ивана – он умирал, оставляя двоих сыновей (Федора и Дмитрия). Этот факт радовал царя и не позволял ему задуматься о необходимости законодательной

подстраховки «на всякий случай». Поэтому главной причиной Смутного времени, наступившего после кончины Федора Иоанновича, стало отсутствие соответствующей законодательной базы в стране. Оно еще аукнется спустя сто с лишним лет в Эпоху дворцовых переворотов.

Из всего Смутного времени нас интересует вовсе не фигура Бориса Годунова, хотя некоторые перемены в оценке его личности все же в последние годы наметились. Борис Годунов ныне считается единственным избранным главой российского государства за всю его более чем тысячелетнюю историю, сдержавшим свои предвыборные обещания. Помните, в своей речи на Земском Соборе Борис обещал снять с тела последнюю рубашку, коль хоть одному подданному станет в его правление жить хуже. И ведь снял! Конечно, в переносном смысле слова, но обещания выполнил. Когда в Москве разразился голод, царь повелел открыть кремлевские амбары с многолетними запасами продуктов питания, раздав их москвичам. Тем самым государь спас от голодной смерти несколько десятков тысяч москвичей. Все остальные руководители государства российского – и императоры, и генеральные секретари, и президенты – многое обещали, но в нужный момент не находили железнодорожной колеи нужной ширины, под стать своему богатырскому телосложению.

Из личностей Смутного времени выделяется фигура Лжедмитрия Первого. Будучи в командировке в Саратове, я как-то зашел в местную картинную галерею, вернее, художественный музей имени А. Н. Радищева. Там выставлена для обозрения картина с характерным названием «Лжедмитрий I дает клятву верности польскому королю Сигизмунду III». Воспользуемся методом исторической аналогии. Приход Лжедмитрия I к власти в нашей стране сравнивают с приходом к власти в октябре 1917 г. Владимира Ильича Ульянова (Ленина). И тот, и другой пришли к власти с иностранной помощью (Дмитрий – польской, Ленин – немецкой). И тот, и другой обещали своим покровителям значительные территориальные уступки. Лжедмитрий вдобавок посулил католизацию всея Руси, а Ленин – сепаратный выход России из мировой войны. Что получилось в действительности? Особых территориальных уступок в пользу Польши Лжедмитрий не сделал, католизация не прошла, это хорошо понял сам царь, позволив себе лишь 8 мая 1606 г. обвенчаться по католическому обряду с 18-летней красавицей Мариной Мнишек, чем вызвал гнев ближнего боярства. Медового месяца у них не было – всего лишь медовая декада – через десять дней Лжедмитрий I будет убит.

Не будем останавливаться на спорах вокруг личности Лжедмитрия I – был ли это Григорий Отрепьев, монах Чудова монастыря, или кто-то другой – не столь важно. Генетической экспертизы в те годы еще не существовало, можно понять чувства матери Дмитрия настоящего, Марфы Нагой, признавшей в самозванце собственного сына – одно дело прозябать в ссылке где-то в захолустном Угличе, а совсем другое быть матерью правящего царя. Нас интересуют дела, начатые Лжедмитрием. Достоверно известно, что государь в письмах к иностранным монархам величал себя не иначе как император Димитрий – вот вам и второй император в истории нашей страны. Далее. Именно Лжедмитрий является зачинателем большинства реформ, законченных век спустя Петром Первым. При Лжедмитрии его подданные получили свободу передвижения не только по территории всей страны, но и по Европе. Он первым начал процесс интеграции российского образования с европейским, отправляя приказных чиновников на своеобразные курсы повышения квалификации в Польшу. Именно Лжедмитрий попытался изменить одежду россиян, одеваясь сам по-европейски и требуя того от подчиненных. Царь возродил прием по личным вопросам, сам, без всякой охраны, переодевшись в русское платье, ходил по Москве, кабакам и рынкам, слушая, что простой народ говорит о нем. Одним словом, это был человек, опередивший свое время на целый век. Сумей он переломить ситуацию, взять ее под свой контроль, останься у власти – мы тогда бы изучали историю императора Дмитрия Иоанновича без всякой обидной приставки «Лже...». Династии Романовых не было бы на русском престоле. Отношения с Польшей складывались бы куда лучше нынешних. Но сослагательное наклонение уместно только в исторических проектах. И, чтобы закончить о Лжедмит-

рии, несколько слов об исторических аналогиях. Ленин также не сдержал своего обещания, данного немцам. Да, Россия вышла из войны раньше других европейских держав. Но через полгода условия Брестского мира были фактически разорваны советской стороной.

Буквально несколько слов по поводу того довольно странного праздника, который мы теперь отмечаем 4 ноября в честь освобождения Москвы от польских интервентов в 1612 году. В нынешнем, 2006-м, мы его будем отмечать всего лишь во второй раз, но он уже вызвал множество осложнений в российско-польских отношениях. Дело дошло до элементарного, извините за грубость, мордобития с обеих сторон. Конечно, мы, историки, понимаем: доставшийся по наследству от советских времен праздник 7 ноября был уж слишком не ко сегодняшнему двору. Но еще президент Ельцин отретушировал его, назвав Днем примирения и согласия. Но 7 ноября касалось чисто внутренних проблем. Зачем осложнять международные отношения с ближайшими соседями? Логичнее было бы сделать праздником 21 сентября – день восшествия Рюрика на новгородский престол. Ничьих интересов этот день не задевал. К слову, непонятна позиция депутатов Государственной думы, сделавших 12 декабря – День Конституции РФ всего лишь памятной датой, но оставивших в качестве государственного праздника пресловутое 12 июня – день принятия так называемой Декларации независимости. От кого дистанцировалась ельцинская Россия? От республик свободных, которых когда-то «сплотила навеки великая Русь»?

Но вернемся в Новое время. Династия Романовых утверждается на российском престоле в 1613 г. Из ее многочисленных представителей нас, прежде всего, интересует фигура Алексея Михайловича, второго царя династии, Тишайшего. Поставим вновь вопрос о сослагательных наклонениях. Если бы Бог дал бы здоровье Марии Ильиничне Милославской и царь не женился бы во второй раз на Наталье Кирилловне Нарышкиной – не родился бы Петр Великий. Означает ли это, что в России не завершились бы реформы, начатые еще Лжедмитрием I.? Конечно же, нет. За выполнение реформ взялась бы Софья, которую народ бы прозвал Великой, и мы с вами изучали феномен фаворитизма не на примере Екатерины Второй и Потемкина, а на примере Софьи и В. В. Галицына. По словам современников, Софья фактически была Петром в юбке – недаром один отец. Противопоставленная волею судьбы единокровному брату Петру, она проиграла не по его воле – армия предпочла иметь командующим мужика, а не бабу, да простят меня милые женщины за столь грубый термин.

О Петре. Великий тиран или великий творец? Каждый из нас с вами волен придерживаться собственной точки зрения по этому поводу. Да, тиран, сумасброд, единственный из царей рода Романовых, во время правления которого население страны сократилось на одну треть. Отнеси он, к примеру, место возведения Петербурга всего на несколько километров в сторону от топких болот – и тысячи крестьянских жизней, погибших на строительстве Северной Пальмиры, были бы спасены. Но гигантский рывок в развитии страны, осуществленный Петром за столько короткие сроки, в дальнейшей истории страны сумели повторить лишь два человека – Александр Второй и Иосиф Сталин.

О проблеме империи во времена Петра. Да, Петр Великий продолжает считаться формально первым императором всея Руси. Но теперь он не инициатор многочисленных реформ, а человек, сумевший блестяще завершить реформы, начатые Лжедмитрием Первым, продолженные Федором Алексеевичем и Софьей Алексеевной. И еще один момент. После смерти Петра в стране чуть было вновь не наступило Смутное время – государь не успел оставить указ о наследнике престола. Ситуация диктовала необходимость принятия соответствующих законов. Но пришлось ждать еще добрых 70 лет, пока Павел Первый не издал указ о престолонаследии и фактически целый век, пока Николай Первый не приступил к кодификации всех законов России, существовавших к тому времени.

Из эпохи дворцовых переворотов нам с вами прежде всего интересно правление Анны Иоанновны. Обстоятельства ее прихода к власти – это первая попытка ограничения самодер-

жавия в нашей стране. И дело не в характере Анны – она была достаточно ленивой по натуре, мечтательной женщиной, этакий гоголевский Манилов в юбке – что «Кондиции» вскоре ею были забыты. По воспоминаниям одного из современников, Россия просто не в состоянии была бы прокормить десять царей. Гораздо легче прокормить одну императрицу. Под десятью царями подразумевался, разумеется, Верховный тайный совет.

Поразителен феномен и самой яркой женщины на российском престоле – Екатерины Второй. Четырнадцатилетняя девочка София Августа Фредерика, волею судьбы попавшая в Россию и не умевшая ни слова говорить по-русски, закончила жизнь автором семитомного собрания сочинений – она была неплохим драматургом, написала два учебника – отечественной истории и отечественной литературы, конечно же, для своего любимого внука Сашеньки, будущего Александра Первого. Екатерина Великая да Иван Грозный – вот два русских самодержца, которые в идеологических спорах со своими противниками почти не прибегали к административному ресурсу (Екатерина лишь однажды отправила в Сибирь Александра Радищева за его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву»), а отвечали их же языком. Грозный основал новый жанр в русской литературе – эпистолярный – вспомним его знаменитые письма Андрею Курбскому. Екатерина же на фельетоны Новикова отвечала своими пьесами.

Но главное в делах Екатерины, конечно же, не литература. Известен факт: на рубеже XVIII —XIX веков именно Россия уверенно занимала первое место в мире по уровню промышленного и сельскохозяйственного производства. На втором месте шла «мастерская мира» Великобритания, на третьем наша извечная соперница Франция, а США пока еще и не пытались броситься в гонку за лидерами – им от роду шел только третий десяток. Этот показатель – результат тщательно продуманной экономической политики Екатерины Второй, направленной на поддержку отечественного товаропроизводителя. Говоря современным языком, она собрала хорошую команду профессионалов, с помощью которых проводила в жизнь все свои решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.